

ЛИЛА
КАТТЕН

18+

Не Не КРАСАВИЦА ЧУДОВИЩЕ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ли́ла Катте́н

Не красавица. Не чудовище.

<https://litres.ru/74174103>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я спряталась в этом доме от внешнего мира. В его стенах я чувствовала себя свободной, пока моё уединение не нарушили.

Передо мной стоял молодой, красивый мужчина. Перед ним стояла я – чудовище, лишённое лица.

– Насмотрелся на чудовище? Теперь уходи. Дай интервью любому журналу – заработаешь немало на такой сенсации.

Запахнув шёлковый халат, я стала подниматься по лестнице. Пока в спину не прилетело жёсткое:

– Я не видел никакого чудовища. Только травмированную женщину, не более. Я – Кай, ваш новый повар. Подготовьте список любимых продуктов и блюд, чтобы мне было от чего отталкиваться.

Когда я обернулась, он широким шагом пересекал гостиную.

– Куда это ты направляешься?

– На своё рабочее место – кухню.

– Я сказала, чтобы ты уходил.

– А я решил, что остаюсь, – ответил он, скрывшись за углом.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	45
Глава 7	53
Глава 8	63
Глава 9	72
Глава 10	79
Глава 11	91
Глава 12	99
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Ли́ла Катте́н

Не красавица. Не чудовище.

Глава 1

Конец августа

Машина остановилась у музея искусств, где завтра пройдет показ одного из самых востребованных домов моды. Их коллекцию разбирают еще по предзаказу, а места в первом ряду – самые желанные и недоступные, вот насколько они востребованы. Не скажу, что являюсь поклонницей их одежды, но я – главная модель. Вдруг в этом году осенняя коллекция меня неожиданно поразит.

Водитель поспешил открыть для меня и моей ассистентки дверь. Я же в это время читала очередную статью, охватившую модельное агентство, лицом которого я была уже не первый год. И причина весьма банальна.

Как говорится: «Плохой пиар – все еще пиар». Не уверена, что меня это удовлетворяло в полной мере, но остановить коллективный разум, думающий в одном направлении? Нет, спасибо. Справлюсь. Шесть лет назад, когда Марина Робертовна выбрала меня амбассадором после ухода ее дочери из

собственного агентства, было гораздо хуже. И ничего. Людям пришлось меня принять. То, что происходило сейчас, можно назвать просто бурей в стакане.

– Ты читала это?

– Не обращай внимания.

– Это даже для «желтой» прессы слабо. Позор, а не новость.

– Они на этом заработают и пойдут дальше. Все, как и всегда, Арина.

– Нет, они сначала выжмут из новости все до последней копейки. Вот увидишь.

Выйдя из машины, я перехватила удобнее сумочку и широкими шагами направилась к запасному входу. Сейчас здесь идет подготовка к показу, поэтому парадный вход закрыт, чтобы фанаты и зеваки не толпились рядом и не мешали. Как только мы отошли подальше от автомобиля, водитель уехал, а охрана приготовилась открыть двери, но мой взгляд все еще был прикован к статье.

– **«Что будет делать новое лицо агентства Арина Журавлева?»** – читаю я вслух, недоумеваю. – Новое лицо? Я шесть лет работаю у них. Что за ересь?

«Разве она способна разделить первое место с самой Василисой Ефимовой, которая уже взорвала новостные паблики своим внезапным возвращением? Фанаты первой ликуют. Фанаты второй встревожены. Еще никогда мир моды не был настолько оживлен.

Ходят слухи, что бренды уже наблюдают за реакцией публики и в случае положительного и стабильного отклика будут рады предложить самые выгодные контракты, а за ее первое интервью могут побороться два ведущих модных журнала страны. Но самое главное – как поведет себя мать Василисы? Есть сомнения, что она задвинет свою дочь в угоду популярности Журавлевой, которая приносила им немалые деньги последние годы, являясь амбассадором агентства. Но если разговор зашел о деньгах, то выбор будет очевиден».

– Что за бред, – усмехнулась я и, убрав телефон в сумочку, прибавила шаг. Однако меня внезапно окликнули по имени.

– Арина Журавлева?

– Подожди меня, – попросила я Майю.

Неудивительно, что меня кто-то поджидал. Ведь новость о том, что большой показ пройдет в музее, облетела весь интернет. Я тоже ждала чего-то подобного.

Улыбнувшись, я обернулась с коротким «Да».

В эту же секунду мои глаза зафиксировали женскую руку в ярко-желтой перчатке и ее резкий выброс вперед. Слух разорвало беспощадное: «Гори в аду, сука!». Затем из емкости в той самой руке полилась какая-то жидкость. Прямо в лицо.

– Арина! – крикнула Майя, но уже слишком поздно, чтобы предотвратить беду.

Реакции тела хватило на попытку укрыться. Сумка у меня большая, квадратная и плотная. Но разве способна она укрыть всю меня от вещества, которое попадает на правую часть моего лица, руки и плечо?

Секунду, а может, лишь ее несчастную половину, ничего не было. Но потом мою кожу стало буквально пожирать кислота, а в нос ударил едкий химический запах, проникающий словно до самого желудка.

Крик вырвался из самого нутра. Из такой его глубины, что был мне незнаком. Крик, после которого в горле все оборвалось.

Боль, словно дикий огонь, пожирающий лес, атаковала везде и сразу. Словно адские псы раздирали меня на части, лишая разума.

– Помогите! Несите воду!

Кто-то прибежал на крик, должно быть, охрана. Кто-то стягивал одежду, что липла к моей коже. Кто-то просил «держаться», после громкого «Снимайте с нее все!». Ткань рвала плоть и тянула ее за собой, будто приклеенная. И все это время я слышала лишь свой дикий вой, шипение кислоты на коже, холод, расплзавшийся по лицу и правому плечу – не от льющейся на меня без остановки воды, а еще это безжалостное **«Гори в аду, сука!»**. Ведь я действительно горела, даже если самого пламени не было. Я горела и, наверное, так и не выбралась из того ужаса, потому что разум попросту стер все, что было после.

Неделю спустя

Звуки вторгались в мрак хаотично. Как если бы вы добавляли в черную краску белую по капле.

Звуки казались звоном и создавали хаос. Они тянулись, словно кто-то зажал педаль на рояле и просто не отпускал. Слышалось какое-то тиканье и шипение.

Я едва попыталась пошевелиться. Сделать что-то малое – открыть глаза. И в мое тело словно тысячи игл вонзились мгновенно, парализуя. Боль послужила триггером.

Картинки стали мелькать. Крик нарастал, а голоса вокруг усиливались. И пока я боролась с пробуждением, голоса стали различаться на мужские и женские. Знакомые и не очень.

– Да вы издеваетесь, – вот этот знаком.

– Вряд ли что-то будет возможно исправить до идеального состояния, – этот чужой.

Но о чем речь?

Что исправить?

Казалось, я задала свой вопрос вслух, но никто не ответил. Горло было до боли пересохшим от трубки, что в нем стояла, а все тело выворачивала неумолимая слабость. Никто не торопился замолчать и говорить хотя бы шепотом. Да и зачем, если я даже не понимала, что происходит.

– Что я должна, по-вашему, делать? У меня модельное агентство, а «это» ставит под угрозу все контракты.

– Только время покажет, что будет дальше. На данный момент это все.

– Доктор, вы понимаете, что ее лицо – это наш актив? Что значит «идеальное состояние невозможно»? Найдите специалистов. Деньги не имеют значения.

– Я же вам объясняю, нужно время. Пациентка даже в сознание пока не пришла.

– Боже мой... – тишина, стук двери и тихое, злое: – У меня не цирковое шоу уродов.

Голос стал определенным, конкретным. Марина Робертовна. Она в ярости. Это стало ясным, как солнечный день. Тот самый день, когда я ехала на репетицию. А урод? О ком речь?

Медленно, преодолевая боль, я подняла руку. Тело ломилось, а те самые фантомные иглы впивались под кожу все сильнее. Словно кто-то снова разжег огонь и положил меня в самый центр сковороды. Но я все равно дотянулась. И, наверное, гонимая страхом, коснулась... лица. Его там не было. Я коснулась чего-то гладкого, прохладного, будто огромный гидрогелевый патч на лице.

Что ей делать с уродом? Нет, что теперь делать мне? Кто-то ответит на этот вопрос?

– УБИРАЙСЯ! – прозвучал еще один голос. Тот, что всегда рядом, даже когда об этом не просишь. Даже когда прогоняешь, этот голос остается рядом. Майя.

Я медленно провела рукой по гладкой, чужой поверхности

там, где должно быть лицо. И тихо, про себя, закричала.

Глава 2

Начало марта

Арина

Растирая крем по зарубцевавшимся шрамам на лице, я смотрю на себя в зеркало. Пальцы с отвращением скользят по тонким, чуть выпуклым, но достаточно твердым нитям плоти, к которой не хочется прикасаться. Я бы и не делала этого. Но это мое лицо. Мои руки и мое тело. Мне приходится это делать.

Прошло полгода с тех пор, как моя жизнь стала такой. Полгода злости, отчаяния и принятия. Хотя нет, злость отступила чуть раньше.

Меня всегда считали холодной стервой.

Однажды директор показа, где я пробовала себя в роли модели, сказала, что никому не нужны мои слезы, чувства, сердце и душа. «Люди в этом бизнесе с радостью плюнут в душу, растерзают и высмеют чувства, а слезы будут выжимать до тех пор, пока ты не наполнишь для них джакузи». Довольно жестоко. Не так ли? Но так и произошло.

Ко мне приставали, меня подставляли и клеветали. Броня наращается легко. И что в итоге? Я стала для всех сухой, а не стойкой личностью, поднявшейся без очереди сме-

нявших кроватей. Женщиной с ледяной душой. Меня даже считают фригидной девственницей, которая испытывает удовольствие, только уничтожая всех на своем пути.

Угадайте, кого пытались винить в том, что знаменитая Василиса Ефимова покинула сцену?

Я выстояла и держала планку шесть лет. А потом произошло то, что окончательно перевернуло мою жизнь.

Я ушла. Заперлась в своем доме. И мои выходы в свет длятся максимум два часа. Столько мне необходимо, чтобы доехать до клиники и обратно.

Они считали меня стервой и были правы. Стерва – та, кого видели все кругом. Кроме стен этого дома. Эти стены никогда не видели стерву. Они насмотрелись на девушку, стремящуюся к успеху, на ту, которая плакала из-за очередной клеветы. Они смотрели на раненую девушку последние полгода. Впрочем... они все еще продолжают смотреть.

Закончив с лицом, я перехожу на шею, плечо и предплечья, заканчивая кистями.

Вычислить того, кто это сделал со мной, оказалось просто. Я исчезла. Растворилась в воздухе для всех, кто желал наблюдать за моей войной с Василисой Ефимовой. Вместо этого меня обвинили в банальности, что повторила «трюк» бывшей модели с исчезновением. Обвиняли в трусости, решив, что я ушла из-за страха. И лишь когда в сети появилась некто «Анонимка», которая случайно «предположила», что меня буквально облили кислотой и подпортили внешность,

все встало на свои места.

Это была семнадцатилетняя девчонка, которая фанатела от Ефимовой и презирала меня. Когда вышла новость о том, что Василиса возвращается, она выместила свою злость и почти вежливо «попросила» уйти со сцены. В момент суеты с кислотой ее поймать так и не смогли, а камеры не распознали лицо, потому что она его спрятала.

Теперь я ушла со сцены, а она осуждена на десять лет.

Закончив с нанесением крема, я надеваю майку на тонких бретелях и шорты. Беру телефон и выхожу из спальни. В этом доме я не прячу ожоги. В этом доме только я и кое-кто еще.

Мой путь заканчивается на кухне, где меня уже ждет завтрак.

– Посмотрите-ка, кто у нас проснулся.

Вот он, тот самый голос, что близок моему сердцу, даже если она сама об этом не знает, ведь я об этом ей никогда не говорила.

– Доброе утро, Майя.

– Доброе утро.

– Тебе не стоило приезжать так рано, ты ведь это знаешь?

– Ага.

Майя – моя мачеха. Родная мама умерла, когда я была слишком маленькой, чтобы ее помнить. Хотя если судить по датам, мне было почти пять. Отец женился во второй раз, когда я перешла в старшую школу. И так как у меня не бы-

ло воспоминаний о маме, я по-своему полюбила Майю... со временем. Было сложно. Я была сложным ребенком. А она любила моего отца не за статус и деньги, наверное, это в итоге сыграло в ее пользу. И она осталась со мной после того, как папа скончался четыре года назад. Если честно, я не имею понятия, почему Майя так поступила. У нее было целое состояние на руках, которое перешло по завещанию от отца. Ей сорок пять, и открыты любые дороги. Но она здесь.

Чтобы я не могла ее окончательно прогнать, а я пыталась это сделать, Майя стала моей ассистенткой, поваром, личным пиар-агентом и всем, что у меня есть. А еще, когда я ее увольняла, она требовала официальный месяц на отработку и в итоге оставалась.

Поэтому, застав ее в субботу в своем доме далеко за городом, на кухне и в фартуке, я снова пытаюсь ее образумить. Но она не сдается и не поддается.

– Какие планы на сегодня?

– Никаких. Как прошло вчера? Ты все проконтролировала?

– Разумеется. Закупка новых кроватей, и все расходы копейка в копейку. Я вернусь в интернат через пару недель. Проверю, не списали ли их на склад.

– Думаешь, они могут все это убрать после демонстрации?

– Могут. Директор там не самый чистый на руку. Потому интернат в таком состоянии, что без слез не взглянешь.

Это то, чем я занимаюсь вне своей модельной жизни.

Меня могут считать самой распоследней тварью и думать, что я ем младенцев на завтрак, но это не так. И они никогда об этом не узнали бы раньше и не узнают теперь. Я неставляю на показ оказываемую помощь и свои счета. Есть публичные сборы средств, и там всегда числится мое имя. Но все мы знаем, как много тех денег достается нуждающимся. Благотворительность – это важная часть жизни людей со статусом. А есть вторая часть. Невидимая всем подряд. У всех она разная.

Так что, если другие хотят думать, что я тварь, я им помогу. И буду радоваться, что никто не переступит порог моего дома и не узнает правду, потому что стать моим другом нестремится никто.

– Тогда я буду ждать результат.

Майя ставит тарелки передо мной. И омлет, к сожалению, не выглядит аппетитно.

Мы обе склоняемся над едой и морщимся.

– Его словно забыли снять со сковороды, – комментирую я. – Примерно неделю назад.

В этом заключается минус моей мачехи. Она не умеет готовить. Я тоже. И так как я уволила весь персонал, работающий внутри дома, еще до моего возвращения из клиники, я ем все, что она готовит.

– Похоже, мне стоило сделать огонь меньше. Попробуем снова? – она тянется за моей тарелкой, но я ее перехватываю и двигаю к себе.

– Я голодна.

– Тогда рискнем, – улыбается она и берет вилку, а я заостряю внимание на шрамах от кислоты.

Когда меня облили, она помогала и обожглась сама.

У Майи нет своих детей из-за каких-то проблем по здоровью. Раньше я говорила ей об усыновлении и суррогатном материнстве. Даже настаивала. Но в итоге поняла, что она отдала всю себя мне, и ей этого оказалось достаточно.

Попробовав кусочек, убрав перед этим в сторону нагар, я его проглатываю и радуюсь, что это в целом съедобно.

– Так, все, – не выдерживает мачеха и отнимает мою тарелку.

– Эй, эй, это мое.

– Хватит, Арина, – смотрит на меня с укором.

– Я собиралась его съесть.

– Нет, я о другом.

– О чем? – недоумеваю, наблюдаю, как она выбрасывает все в мусор.

Прищурившись, я высматриваю на ее лице ответ, но пока что ничего не понимаю.

– Я могу быть кем угодно для тебя, но не поваром.

– Меня устраивает еда, я уже говорила тебе об этом. Особенно сейчас, когда в фигуре больше нет никакого смысла.

– Нет, не устраивает. И меня тоже. Нужно подумать о возвращении повара.

– Исключено, – тут же отрезаю я жестким и грубым голо-

сом, встав из-за стойки и взяв направление в гостиную, захватив свой кофе.

Майя следует за мной и садится в кресло, а я занимаю диван.

– Арина...

– Я сказала нет, – перебиваю, что бы она ни думала сказать, но Майя продолжает, несмотря ни на что:

– Мы можем обсудить с ней условия. Например, не выходить из кухни в другую часть дома.

– Нет!

– Накрывать на стол и тут же уезжать. Или приезжать один раз в неделю, чтобы...

– Ты свободна.

– Девочка моя...

– Я сказала, что ты свободна, – снова заявляю безапелляционно. – Я не просила тебя быть моим поваром, прислугой, агентом и вообще никем. Ты взяла на себя эту ношу по личным причинам. Можешь уходить. Я тебя никогда не держала.

И пока я говорю, Майя смотрит на меня, сжав губы в линию, а моя душа уже разрывается на части от обиды, причиненной ей. Сегодня эти стены все-таки увидели стерву. Но сейчас мне действительно было что отстаивать. Свободу.

Я закрылась здесь от всего мира. И пока на моей территории нет посторонних, я свободна.

Она встает, оставив чашку на столике. Подходит ко мне и, поцеловав в макушку, гладит здоровую сторону моего лица,

так как касаться изуродованной я ей не позволяю.

– Я заеду вечером, – без злости сообщает она и уходит, а я остаюсь одна в этом огромном доме. Заточенная в этих стенах добровольно. Сожалеющая о каждом слове, сказанном ей.

Беру телефон в руки и пишу короткое: «Прости!», затем падаю на подушки спиной и долго гляжу в потолок, игнорируя боль в груди и слезы, которые стекают из глаз.

Глава 3

Кай

Остаться без работы в любое время – хреново. Остаться без нее накануне своего дня рождения и юбилея бабушки – вот это по-настоящему плохая новость. Мне, конечно, Фетисовы выплатили немало за внезапное «увольнение». А Алевтина Викторовна обещала дать лучшие рекомендации и «замолвить за меня словечко». Интересное выражение. Но мне нужна постоянная финансовая нагрузка. Хотя, о чем это я, кому она не нужна? Но я правда не могу ждать.

Это я к тому, что деньги и их отсутствие – дерьмо, но гораздо дерьмовее в моем случае получить СМС от отца. Одно редкое, но как всегда вынуждающее возненавидеть его еще сильнее СМС. В такие моменты чувствуешь себя особенно жалко. Он в своем репертуаре пытается унижить и назвать «никчемным щенком, у которого нет и никогда ничего не будет» (если что, это цитата), а я в этот момент думаю, где взять деньги на следующий месяц, заплатив по счетам за февраль. Глупое совпадение и чертовски дурацкое.

Убрав телефон, я откидываю одеяло и встаю с кровати, продолжая размышлять о работе. Но здесь нечего и думать. Если я не найду работу, придется вернуться в ресторан.

– Замечательно, – ругаюсь и иду в ванную, чтобы умыться, но бросаю взгляд на экран и вспоминаю, что март – это еще и праздник, когда бабушка отчаянно делает вид, что не ждет от меня свои любимые цветы. – Дважды замечательно.

Хорошенько позаботившись о себе, я выхожу из ванной и надеваю на себя приличную одежду. Приличная – это которая скрывает мои тату, если мне придется снять куртку. Кто бы мог подумать, что у богатых людей тату до сих пор ассоциируется с человеком, отсидевшим срок. Знали бы они, сколько я заплатил за те, что на руках, они бы не хотели знать, что за ту, что на спине, я отдал еще больше.

Приготовив быстрый завтрак, быстро ем и залпом проглатываю кофе. Затем, схватив телефон и сумку, обуваюсь, надеваю шапку с курткой и выхожу из квартиры. Я снимаю студию, и все те двадцать семь квадратов вполне удовлетворяют мои желания.

Хотя, когда я делил это пространство с Нелей, оно реально казалось слишком маленьким. Особенно для нее и всех ее сотен вещей. Но сейчас я вполне счастлив жить один. Как показала практика, я человек, с которым женщины рады заниматься сексом, а не делить быт. Но в свою защиту могу сказать, что сексом заниматься со мной им очень нравится.

Прогулявшись по улице, листаю контакты. Просматриваю объявления на столбах, что может показаться весьма комично, но так я однажды попал в один дом на фуршет как помощник повара, всех обворожил вкусом приготовленных

мной блюдо и получил работу. Потом меня нанял Богдан Фетисов. И это была лучшая работа. Я приходил и готовил для него в определенные дни, так как он гонщик «Формулы» и дома появлялся нечасто. НО! Он платил мне зарплату каждый месяц. А теперь... в общем, теперь я без работы с надеждой на связи его матери и рекомендации.

Объявления в интернете еще более странные, чем «повар в «Столовую №1»», что я прочел на доске объявлений.

– Проклятье, – вздыхаю и валюсь на первую попавшуюся лавочку.

Солнце тут же беспощадно начинает пожирать мои глаза. Не замечал, чтобы в начале марта оно было настолько ярким.

– Нужно дождаться, а потом действовать, боже, – шепчу куда-то в синюю гладь над головой и слышу смешок слева от себя.

– Простите, что? – доносится голос.

Девушка, говорившая по телефону, смотрит на меня, словно не понимает, с ней я говорю или нет. Становится неловко.

– О, я обращался куда-то туда, – тычу в небо, улыбаясь ей, как полный придурок, которым она, скорее всего, и видит. – К тому парню, понимаете?

Но мне везет, и она с улыбкой просто отворачивается, продолжая свою увлеченную беседу.

Прежде чем я решаю, что с меня для часовой прогулки достаточно, и ухожу, мой телефон начинает звонить.

Номер не определяется. Не то чтобы я не поднимал трубки с незнакомых номеров, просто заостряю на этом внимание, прежде чем ответить.

– Да?

– Добрый день. Это Кай Ромашов?

– Добрый. Собственной персоной. Чем могу вам помочь?

– Я Майя Кирилловна. Звоню вам по рекомендации одной знакомой, – небеса тут же начинают петь серенаду, пока я слушаю окончание монолога великой женщины по имени Майя. – Мне сказали, что вы повар и достаточно любезно отзывались о ваших кулинарных способностях.

– Вы не ошиблись. Я повар и я... способный.

Признаться, я малоразговорчивый парень. Но иногда у меня бывает хорошее настроение. В общем, когда я нервничаю, я говорю очень много. А еще я общительный с близкими людьми. Бабушка порой просит подать ей строительный скотч.

– Что ж, ситуация весьма... я бы сказала, интимная и, разумеется, будет составлен обязательный к исполнению контракт.

– Разумеется.

– Мы можем с вами встретиться? Ох, я забыла спросить, вас еще не наняли? – и тут я улыбаюсь.

– Не успели.

– Отлично. Если вам удобно, то я готова встретиться как можно скорее.

– Я свободен прямо сейчас, как раз вышел... на прогулку.

Она диктует адрес одного бизнес-центра с небольшими офисами, сдающимися в аренду. Туда я и заказываю такси.

Встречает меня женщина лет до пятидесяти. Довольно высокая, стильно одетая и приветливая.

Она начинает с благодарности, затем переходит к сути.

– Дом находится в получасе езды от города, при хорошем раскладе. Порой поездки туда занимают час.

– Ого.

– Если у вас нет машины, мы предоставим служебную. Оставаться на ночь строго запрещено. На самом деле запретов будет достаточно много.

– Ладно. Напишите список продуктов и...

– Нет, запреты иного рода.

– Понял.

Тут все становится довольно мрачным, но я не боюсь. Пока что...

– Вы будете обслуживать молодую женщину. Она не так давно пострадала физически, и уединение очень важно для нее.

– Не выходить с кухни? – догадываюсь я.

– Если вас это не затруднит.

– Нисколько. Я в общем только там и обитаю, мне не за чем покидать пределы кухни. Если только кладовка не находится в спальне хозяйки, – женщина выгибает брови. – Простите.

Она вздыхает. Складывает руки на груди и словно глубоко задумывается. Поэтому я сижу тихо.

– Знаете, я внесу правки в контракт.

– Ладно.

– Запретов будет немного меньше.

– Да?

– Да. Обращайтесь к хозяйке, если нужны деньги на продукты, спрашивайте ее о меню на день или неделю.

– Кажется, вы только что говорили...

– Говорила. Я распечатаю контракт, – с улыбкой сообщает она. – О, и есть все-таки одно важное условие. Она будет увольнять вас по несколько раз в день.

– И что мне делать в таком случае?

– Улыбаться и напоминать ей, что нанимала вас я.

У меня начинает чесаться затылок, в чем я себе не отказываю. И тут же сожалею об этом.

– У вас... татуировки?

– Эм, не волнуйтесь об этом, я ношу форму и тщательно...

– Не стоит.

– Что?

– Не прячьте. Если это не что-то выходящее за рамки.

– Ничего такого. Иероглифы, цветы, буквы... в общем.

– Отлично.

Она делает те самые правки, пока я удивленно соображаю, что это не шутка. Принтер издает звук, и женщина подает мне бумаги.

– Прочтите и сообщите о том, что стоит изменить.

В целом, таких контрактов я начитался. Даже пункт о неразглашении имеется. Пункт о заработной плате тоже нравится. Поэтому я с радостью беру ручку.

– Если согласны со всеми пунктами, подпишите, и я выдам вам ключи и карту для покупок. Что насчет автомобиля.

– У меня есть свой, - отвечаю, поставив подпись.

– Отлично. Расходы на бензин присылайте чеками или суммарно за неделю на мою почту.

– Ладно.

– Встретимся с вами завтра рано утром у особняка. Адрес написан в контракте и все контакты, если я недоступна по одному из телефонов. В общем, решим вопросы по мере поступления.

– Понял. Спасибо.

Она пожимает мою руку, когда я встаю с кресла, и провожает к двери.

– Вам спасибо, Кай.

Уезжая домой, я все думал, что произошла ошибка, настолько увлекательной была встреча, ведь меня даже не попросили приготовить что-то на пробу, как это обычно бывает. Но карточка лежала в кармане, как и ключи. Значит, все в силе. Но я не мог не согласиться с собой, что это будет один из самых интересных опытов моей работы.

Глава 4

Арина

Майя протянула руку, взяла чайник и стала наполнять чашки, а я смотрела на выпуклые, уродливые шрамы на ее красивых кистях.

Я часто злилась, смотря на себя в отражении. Но когда смотрела на ее руки, злилась еще сильнее.

– Я оплачу операцию, и ты избавишься от этого, – кивнула я и взяла свою чашку в руку, немного отпив липового чая.

– У меня есть деньги, – напомнила она, как бы между прочим. Как всегда, с улыбкой.

– Но это моя вина. Не спорь. Я запишу...

– Арина, я сведу шрамы в тот же день, когда ты согласишься на восстановление своей красоты.

Разговор снова ушел не туда.

– И не подумаю.

– Отлично. Тогда ты знаешь мой ответ.

Она улыбнулась снова и тоже отпила из своей чашки.

– В этом есть разница.

– С нетерпением жду твоих пояснений.

– Ты упрямишься просто так. Я же не хочу признавать поражение.

– Поражение? – мачеха посмотрела на меня, и сразу стало ясно – она сдерживала гнев.

– Именно. Пойду на восстановление – приму тот факт, что они победили.

Она аккуратно поставила на стол чашку и сложила руки перед собой, словно школьница. Сколько ее помню, она делала так всегда.

– Кто «они», Арина? Та семнадцатилетняя соплячка с гормональным сбоем? Считаешь себя победительницей, спрятавшись в этом доме от людских глаз? Вот это победа. Надо же.

Она знала, куда бить, но все равно не понимала меня. Ни на грамм.

– Не начинай, – предупредила я ее.

– Уже начала.

– Ну тогда ты знаешь, что я скажу дальше.

– Знаю и снова назову тебя несносной девчонкой.

– Мне давно не пятнадцать, чтобы ты называла меня так, – я повела плечом, схватив печенье с блюда.

– Но ведешь себя именно так.

– О, а ты ведешь себя, словно тебе вновь... – она протянула руку и приложила палец к моим губам.

– Не произноси вслух эти цифры. Эти стены все слышат.

– Они знают тайны и пострашнее твоего возраста, – усмехнулась я.

– Тайны, скажешь тоже, – Майя фыркнула. – Я была тай-

ной твоего отца, пока он не решился нас познакомить.

— Я в курсе. И я заранее тебя возненавидела. Ведь это был мой любимый дом у озера, а он поселил тебя здесь, и я не приехала сюда в то лето.

— Я говорила ему, что это плохая идея. Он тебя немного боялся, — шепчет она, словно папа действительно мог нас услышать, и я внезапно начинаю улыбаться. — Я по нему ужасно скучаю, — сказала Майя и повернула голову к окну, я же продолжила смотреть на нее.

Меня влекла ее печаль, возможно, в какой-то извращенной манере. Но ее печаль таила истинную любовь к мужчине, независимо от того, что я говорю о своем отце. Мне нравилось знать, что женщина может так любить. Знать, что ее тоже могут любить не менее сильно. Она даже тосковала по нему красиво. Я такой любви не знала. А теперь сомневаюсь, что буду способна знать. Быть может, когда заведу сотню собак и кошек, буду отдавать им все деньги на еду и любить, а после того как они меня съедят в знак благодарности, ведь никто не станет даже хоронить затворницу-старуху с уродливым лицом, я буду счастливо умирать в этом доме, благодарная им.

— Я люблю тебя, Арина, — произнесла Майя, словно точно знала, что мои скудные размышления о собственной любви привели к одинокой старости и ужасной смерти.

— Ты сказала это уже несколько раз за вечер.

— Боже, только ты можешь реагировать на простое прояв-

ление чувств, словно в тебя бросили камень или пытаются отравить.

Я бросила взгляд на свой чай и выгнула бровь.

– Только тот факт, что ты пила это колдовское зелье со мной, заставляет меня остаться на месте, а не убежать к унитазу и засунуть в рот два пальца.

– Прекрати. Я серьезно.

– Верю.

– Арина, ты должна подумать об операции.

– Я подумаю. Врач сказал, что в скором времени это станет возможным.

– И ты согласишься? – спросила она с надеждой.

– Я же сказала, что подумаю. Думаешь, я не смотрела все те статьи о девушках, которых облили кислотой? Думаешь, не видела, во что превращались их лица? Это не исправить, Майя, – тычу в свое лицо, не касаясь плоти. – Сколько бы операций по пересадке кожи я ни сделала, это всегда будет выглядеть ужасно. Так скажи мне – какая же в этом разница?

– Разница в том, что те женщины, о которых ты читала, пострадали гораздо... гораздо хуже. У тебя поражен верхний слой кожи. Да, это будет не как прежде, но это будет по-новому. Врачи умеют творить чудеса.

– Тогда запиши меня в академию магии, чтобы я поверила в чудеса.

На этом мы закончили наш вечерний разговор.

Однако должна признать, выглядела моя мачеха сегодня

загадочно и довольно скоро сдалась. Обычно мы спорим дольше. Возможно, она устала спорить и поняла, что это бессмысленно, а может, припасла нечто худшее.

Наш вечерний ритуал состоял из масок для лица (у меня, правда, были свои, прописанные врачом). Мы ухаживали за волосами, кожей и пили вино или мартини. Благо не каждый вечер, иначе мы бы уже жили в клинике.

Закончив посиделки, мы разошлись по комнатам, так как в эти вечера Майя оставалась у меня.

Как обычно, я встала ближе к одиннадцати. И, закончив свои дела в ванной, я вышла за дверь и почти упала в обморок. Поправка – голодный обморок. Мы вчера пили, но почти не ели. Поэтому я понеслась как есть, в пеньюаре и халате, к лестнице.

– Ты решила сжалиться над нашими желудками и заказала еду? – кричу, медленно спускаясь по лестнице, потому что запах был просто фантастическим. А в случае с Майей я привыкла ощущать скорее аромат подгоревших яиц.

Улыбка на моих губах сопровождалась ловким перепрыгиванием с ноги на ногу по мягкой ковровой дорожке, лежащей на ступеньках.

Дойдя до уровня, когда мне стал виден весь нижний этаж, я стала медленнее и в итоге замерла на нижней ступеньке. Потому что, вывернув из-за угла кухни, на меня шел мужчина.

Он был в белой поварской униформе, состоящей из ру-

башки и брюк, отделанной бордовой окантовкой. Рубашка с коротким рукавом, прошу заметить, и демонстрация татуировок была очень явной. В руке он держал свой... головной убор, и когда я наконец дошла до его лица, на его губах играла приветливая улыбка.

Мужчина остановился достаточно близко, чтобы я могла разглядеть его, а он – меня. Поэтому я резко дернулась в сторону и распустила волосы, стараясь прикрыть обезображенную половину лица. Затем дернула халат так, чтобы шея и плечо точно не выглядывали из-под ткани. Меня так потрясло наличие постороннего, что я фактически онемела. А внутри была смесь из боли и злости. Я не знаю почему, но боль преобладала.

Глава 5

Кай

Приехав ранним утром по адресу, написанному в моем бланке договора, который я подписал, передо мной возник вопрос: «Как я, черт возьми, буду высыпаться, если мне придется вставать в половине пятого утра, чтобы к семи быть здесь?»

Нет, порой приходилось и вовсе не ложиться, но это в случае банкетов и огромных приемов в домах, где я работал. Но в тех домах была комната, где ты можешь поспать и спозаранку быть на рабочем месте.

– Стоит обсудить этот вопрос. Чуть позже, – добавил я и вылез из машины.

Дом был за нереально высоким забором, так что я даже не имел понятия, как тот выглядит. Забор был без единой щели, просто сплошная стена. У ворот, найдя кнопку и нажав на нее, я стал объектом слежения.

– Здравствуйте. Назовите ваше имя.

– Здравствуйте. Кай Ромашов.

– Встаньте на шаг назад, – проговорил голос из динамика, и я сделал все в точности, как меня попросили.

Спустя пару секунд железная дверь отворилась.

«Может, здесь проводят испытания или создают противовирусные препараты, которые спасут человечество от гибели через три сотни лет?» – внезапно задумался и улыбнулся, войдя внутрь.

Пост охраны оказался по левой стороне. Настоящий дом на две, а может, и три комнаты. Из двери вышел мужчина лет пятидесяти и протянул руку.

– Здравствуйте, поближе. Я Глеб – начальник безопасности. В смене по два охранника. Со мной Иван. Днем будут Дмитрий и Кирилл.

– И вам доброе утро. У вас тут целая база, – пошутил я.

– Эта девочка мне как дочь. Я рад обеспечивать ей безопасность, – ответил он, не оценив моего настроения.

Значит, лучше помалкивать. Но меня привлекло слово «девочка». Я что, все-таки буду готовить для ребенка? Для семьи с ребенком?

– Что ж, пойду на рабочее место. Был рад познакомиться.

Он кивнул и проводил меня взглядом, скорее всего до самой двери, так как у мужчины был довольно тяжелый взгляд.

По просьбе Майи я старался не шуметь и вошел в боковую дверь для персонала, о чем она попросила в СМС, которое прислала вечером, что не стало неожиданностью. Я редко входил в дома, где работал, в парадные двери.

Небольшое фойе имело несколько дверей: гардеробная, кухня, прачечная и остальной дом, куда вел узкий коридор. Хотя я предполагал, что из того коридора вело еще несколь-

ко дверей в разные части хозяйственной составляющей.

Войдя на кухню, оставив одежду на вешалке, я был приятно удивлен своему новому рабочему месту. Светлая кухня, большой остров с мойкой и куча отличной техники. А еще ножи идеальной заточки от лучшей фирмы по их производству и витрина с красивыми блюдами. Вот что я ценил в хозяевах таких домов. Они предпочитали, чтобы их еда готовилась на исключительно современной кухне.

Широко улыбнувшись, я нашел узкую дверь в кладовую. Стеллаж со специями, которые я обязательно проверю, дополнительная посуда, полки для продуктов, которые были пусты, и вялая зелень, которая не должна здесь стоять.

Схватив продолговатую емкость, я тут же вытащил несчастный тимьян, судя по такому же вялому аромату, и поставил его на столешницу.

– Жаль тебя, дружище, – пробормотал я, трогая упавшие на сухую землю стебли.

– Это моя вина, – раздался женский голос у другого входа на кухню, и я только что заметил, что французские двери были открыты.

– За что вы с ним так?

– Он мешался. Да и я не имела понятия, что с этой травой делать, хоть она и пахла замечательно. Доброе утро.

– Здравствуйте.

– Спасибо, что приехали пораньше.

– Это моя работа.

– Итак, думаю, вы уже успели осмотреться?

– Только начал. И у меня сразу вопрос. Те специи – я должен убедиться в сроке годности и по необходимости выбросить.

– Делайте что пожелаете. Повар здесь не появлялся уже полгода. А я использовала только соль и перец. Туда, – указала она на кладовую, – я даже не заглядывала.

– Полгода?

– Да.

– Тогда я не стану проводить инвентаризацию той части.

– Значит, там все...

– На выброс, – закончил я за нее предложение.

– Конечно.

Женщина прошла к широкому шкафу на острове и открыла его.

– Здесь вся посуда. Но я, возможно, кое-что испортила, пока готовила омлеты и... другие кулинарные нешедевры.

– Нешедыевры? – переспросил, вытаскивая разные сковороды и кастрюли.

Некоторые удовлетворяли мои запросы, другие ждала участь приправ.

– Поверьте, Кай, вы бы не хотели попробовать мой омлет.

– Вы испортили омлет? – отвлекся я.

– Я его убивала каждый раз.

– Проклятье, – выругался я, засмеявшись.

– Точно. В общем, будет выделен бюджет на восстановление.

ние посуды, трав и прочего.

– Лимиты?

– О, покупайте все, что пожелаете, – отмахнулась она. – Я имею в виду, что стоит начать с заполнения этой части дома всем необходимым, чтобы Арина была хотя бы сыта.

«Арина», – повторил я. Теперь я хотя бы знал ее имя.

– Полагаю, у вас есть вопросы?

– Их много. Сколько девочке лет?

– Де... девочке?

– Я просто хотел понять, кому я готовлю. Вы сказали «девушка», охранник явно говорил о ребенке.

– Оу, ясно. Молодая женщина. Тридцать лет. Детей здесь вы не увидите.

– А что насчет завтрака для начала? Вы ведь сказали узнавать обо всем у хозяйки?

– Именно так. Завтрак? – она осмотрелась. – А вы выполнили мою немного позднюю просьбу из СМС?

Помимо того, чтобы я в случае, если она меня не встретит, вошел сам в боковую дверь, был список продуктов, так как холодильники почти пусты.

– Да, я сделал небольшую закупку.

– Тогда вы можете готовить что угодно. Арина как раз оценит ваши способности.

– Ладно. Тогда примусь за работу. Но для начала, подскажите, Майя, где я могу переодеться и будет ли у меня какая-то комната?

– Конечно, конечно. Пойдемте за мной.

Она вышла в дверь, через которую я зашел, затем проследовала в коридор и оттуда свернула направо. Об этом я и думал. Еще одно крыло.

– Здесь несколько комнат. Раньше тут жила прислуга, но полгода назад всех уволили. Так что выбирайте любую. Ключ я вам предоставляю, поэтому не переживайте, что в ваше отсутствие кто-то туда войдет.

– Я не переживал. Но спасибо.

– Тогда не стану вам мешать и пойду работать. Встретимся за завтраком, – она слегка ударяет в ладоши и собирается уйти, но я останавливаю резонным вопросом:

– А где мне накрыть?

– Я... думаю, в столовой. Сейчас покажу.

Столовая находилась прямо у кухни. Как я и предполагал.

– Аллергии? Непереносимость? Предпочтения? – спрашиваю, хотя список продуктов, обязательных для покупки, был обширным, – мы говорим о завтраке.

– Ничего такого. Дерзайте, – она вскинула кулачок и улыбнулась, окончательно уйдя.

– Вау, – вздохнул я и принялся за работу.

Первым делом занес продукты из машины. Разложил по полкам холодильника и шкафам. Выкинул все, что не вызвало доверия, мысленно составляя новый список продуктов и прочих важных вещей – от продуктов до утвари.

Завтрак я решил сделать довольно банальным. Блинчики

с джемом, который приготовил сам (принцип и умение делать свой), а еще яблочные кексы с корицей и сахарной пропиткой.

Как раз выудив противень с кексами и пропитав их, я услышал женский голос. Но он не принадлежал Майе. Она предупредила о том, что завтрак здесь начинается ближе к одиннадцати, так что, посмотрев на часы, я улыбнулся.

— Как раз вовремя.

Подхватив пару тарелок и приборы, я заскочил в столовую и оставил там порции, аккуратно поставив их напротив друг друга, так как был уверен, что женщины будут завтракать вместе.

Голос прозвучал снова, становясь немного ближе, поэтому я поспешил навстречу хозяйке и моему новому боссу, стянув с головы повязку.

Завернув за угол, я тут же увидел стройную девушку в бордовом халате, которая спускалась по лестнице, ловко перебирая босыми ногами. Сначала мне были видны лишь стройные ноги, затем показалась и она сама. Однако Арина замерла на последней ступени, и ее лицо... одна его половина была просто лицом, вторая же походила на... ожог? Я не был уверен точно, но это казалось шрамом на том расстоянии, с которого я ее видел.

Однако я не заострил на этом внимание, не придавал выражению лица никаких эмоций. Я улыбнулся, но успел заметить, что шрам виднелся и на плече, которое было открыто

для обзора, а в следующую секунду, когда я остановился, она резко дернулась и прикрыла все. В том числе лицо, распустив волосы. Но скрыть тот факт, что она чудо как хороша и красива, несмотря на какую-то парочку шрамов, у нее вряд ли когда-либо получится.

Арина

– Здравствуйте, – заговорил мужчина, и я снова дернулась, словно от удара.

У него был молодой голос, да и... выглядел он тоже молод. По форме стало ясно, что он повар... а еще стало ясно, что Майя сделала это... В ее побуждениях я не была уверена. Зная, как сильно мне недостает свободы, как отчаянно я хваталась за одиночество, она все равно позвала в мой дом постороннего человека.

Это ощущалось как мерзкое и отравляющее душу слово – предательство.

– Я... – попытался продолжить он, и я резко повернулась к нему.

– Что вы здесь делаете?

Вопрос был лишен смысла. Я уже все знала без слов, но я все равно его задала.

– Отныне я здесь работаю. Услышал вас и вышел поздороваться.

– Не работаете. Как вы вообще вошли? Я не отдавала при-

каз впускать всех подряд без разбора.

– Полагаю, это сделала ваша помощница.

– У меня больше нет помощницы. Так что разворачивайтесь и немедленно уходите.

И тут я заметила это... То, что люди не могли скрыть в своих мерзких душах. Интерес.

Он пытался разглядеть мое лицо.

Конечно, пытался. Поэтому я откинула волосы и отпустила полы халата. Тот разъехался в ту же секунду, и каждая уродливая черта выскочила на обзор.

Однако он не опустил взгляд ниже. Словно запоминал лицо. И он молчал.

Я была экспонатом для молодого мужчины. Байкой, которую он в конце рабочего дня будет рассказывать друзьям-отморозкам. Возможно, позже, когда станет смелее или решит уволиться, он сделает втайне фото, и тогда предмет смеха будет доступен всем, кому не лень. Интернет любит запоминать все.

Эти выводы напугали, но виду я не подавала.

Уверена, он точно знает, кто стоит перед ним. А теперь он даже сможет ответить всем, что точно произошло с Ариной Журавлевой.

«История об очередном чудовище, которое спряталось в замке от людских глаз», – наверное, так будут гласить заголовки.

Я была на грани, и мне нетерпелось остаться одной.

– Насмотрелся на чудовище? Теперь уходи. Дай интервью любому журналу – заработаешь немало на такой сенсации.

Запахнув наконец шелковый халат, я развернулась к нему спиной и стала подниматься по лестнице.

Ноги тряслись, и я была на грани падения. Быть может, если я сломаю шею, это будет идеальной смертью, чем стать едой для будущих кошек и собак, которых я заведу, наверное, уже скоро.

Я поднималась уверенно и одновременно сотрясаясь от эмоций, что раздирали меня изнутри. Пока в спину не прилетело жесткое:

– Я не видел никакого чудовища. Только травмированную женщину, не более. – эти слова заставили меня замереть, словно кто-то использовал меня вместо гвоздя, приколовив к ступеням. – Я – Кай, ваш новый повар. Подготовьте список любимых продуктов и блюд, чтобы мне было от чего отталкиваться.

Когда я обернулась, чтобы снова указать на дверь, он широким шагом пересекал гостиную.

– Куда это ты направляешься? – нахмурилась я и стала спускаться обратно.

– На свое рабочее место – кухню.

Наглость в его голосе настолько поразила, что я оступилась и чуть не упала.

– Я сказала, чтобы ты уходил, – повторила громко, так что звук пару раз отскочил от стен.

– А я решил, что остаюсь, – ответил он, окончательно скрывшись за углом.

Я уже решила идти за ним, чтобы вышвырнуть из своего дома и позвать Олега, но из кабинета на первом этаже показалась Майя с виноватым выражением лица, и все мысли рассыпались. Боль вернулась с новой силой, и из глаз потекли слезы.

– Арина, – крикнула она, в попытке остановить, когда я развернулась и побежала по лестнице наверх.

– Не смей за мной ходить, – предупредила я ее и рванула еще быстрее.

Я почти бежала, но картинка расплывалась, и потому я стала осторожнее, добравшись до своей спальни, и дернула за ручку.

– Арина?

– Нет, – закричала я, скрываясь за дверью, через которую Майя все равно вошла в мою комнату. – Как ты могла так со мной поступить?

– Послушай меня.

– Нет, – я развернулась и продемонстрировала, как сильно она меня ранила.

В моих глазах стояли слезы, и кожа лица тут же стала красной. Она была грубой, и потому я даже не могла нормально, по-человечески, пореветь. Я походила на Франкенштейна в эти моменты. Каким-то чудом кислота не попала в глаза и даже не тронула веки, но уродства на лице все еще было

предостаточно.

– Как ты посмела это сделать? Я сказала тебе «нет», но ты это сделала. Привела в мой дом человека. Не предупредила. А теперь пришла убедиться, что я в порядке?

– Да, послушай же. Я сделала это, да, – подняла она руки.
– Признаю, идея была рискованной. Но ты хотя бы ожила. Ты скорчилась от своей боли, и все, что делала, это целыми днями думала об увечьях, злости и своей победе. Ты заиклилась...

– Да, я заиклилась. Потому что с меня живьем содрали кожу. Я смотрю на себя в зеркало каждый день и не узнаю себя. Я заиклилась на этом. У меня было все, и поэтому меня ненавидели, считали стервой. Но я хороший человек. Но они все равно отняли у меня это. Они отняли даже тебя.

– Арина...

– Уходи, Майя. Видеть тебя не хочу. Ты была единственной, в ком я была уверена. И ты единственная, кто причинил мне такую боль. Ты предательница.

– Малышка моя...

– Проваливай, черт подери... – заорала я.

Мои голосовые связки справлялись не очень хорошо с криком. Я надышала серной кислотой, пока была ею облита, и это как-то повлияло на то, что я теперь быстро теряю голос, когда кричу.

Она посмотрела на меня в последний раз, плача и все еще умоляя взглядом, но наконец ушла, и я рухнула на пол у сво-

ей кровати, разрыдавшись.

Глава 6

Кай

Ладно, здесь крылось настоящее дерьмо, судя по крикам и топоту двух пар ног по лестнице. Не то чтобы лицо молодой женщины, которое было обезображено шрамом, не было изначальным дерьмом, просто... кажется, меня уволят даже раньше, чем я приготовлю обед.

Выждав время и вымыв всю посуду, которую использовал в готовке, я услышал, как кто-то спустился. А после услышал всхлип где-то недалеко от кухни. Было необходимо расставить все точки над «i», поэтому я пошел на звук в... столовую.

За накрытым мной столом сидела Майя и вытирала салфеткой слезы.

– Простите, не хотел мешать.

– Все в порядке.

Она села ровнее и опустила руки на поверхность стола, прежде чем посмотрела на меня.

Во взгляде не было ни капли уверенности, что я останусь в униформе до конца этого дня, поэтому... я решил поискать что-нибудь еще, чем заняться.

– Я оставил чек в выдвижном ящике стола, туда же положу

карточку, чтобы вы отследили списания. Чужого я не беру.

- Вы о чем? – женщина нахмурилась, вздохнув.
- О... деньгах на продукты.
- На карте не хватило?
- Да, то есть хватило. Я о работе. Разве все это, – я кивнул в сторону гостинной, – не означало, что я уволен?
- Уволен? Конечно, нет, – она смотрела на меня почему-то с долей ужаса. – С чего вы это взяли? Я же предупредила, что она с характером, но я вас умоляю, не поддавайтесь. Арина... в общем, вы все видели сами.
- Видел. Простите за вопрос, но что с ней случилось?

Майя чуть ссутулилась, но принялась за завтрак и рассказ одновременно.

- На нее напали. Облили кислотой. Вы не читаете новостей? – теперь она звучала так, словно в мою сторону летели обвинения в подобном вопросе.
- Вообще-то, я даже не знаю, в чьем доме нахожусь.
- О боже, это же Арина Журавлева. У меня сейчас удар будет. Инфаркт или инсульт, – пробормотала она, путаясь в понятиях.
- Я понял, что вам плохо.
- Мне не плохо, я в ужасе. Но я шучу. Арина – модель.
- О, ясно. Мне жаль...
- Неа, не-не-не, уберите, – принялась она мотать головой, угрожая мне пальцем. – Я вас умоляю, никакой жалости. Этого с лихвой хватило.

– Хм, – улыбнулся я. – Знакомые слова.

– Что?

– Я работал у одного парня. Он попал в аварию и сейчас в инвалидном кресле. Профессиональный гонщик...

– Богдан Фетисов? – она смешно изогнула одну бровь, словно считала меня идиотом. – Вы о нем?

– Вы, я вижу, новости смотрите, – тихо хохотнул я.

– Это моя работа. Так вот, откуда вы к нам пришли. Долго у него работали?

– Прилично. Вот он как раз тоже отрицал жалость и прочие эмоции к своему положению.

– Это нормально, когда вся жизнь летит в пропасть.

– Согласен. Значит, я остаюсь?

– Разумеется. Просто будьте готовы к тому, что я не буду появляться здесь пару дней. Или... если взвесить ее уровень злости – неделю. Вы мне звоните и рассказывайте, что тут и как, пожалуйста. А я потом попробую приехать и остаться в живых.

– Она не в восторге от постороннего?

– Абсолютно. И, Кай?

Я посмотрел ей прямо в глаза.

– Я надеюсь, вы помните пункт о неразглашении.

– Поверьте, я его помню.

– Хорошо, – теперь она выдохнула и отправила в рот кусочек блинчика, обмакнув тот в джем. – Бог мой, – застонала она и почти закатила глаза. – Мне кажется, я вечность не ела

нормальной еды. Я предупрежу охрану, чтобы они не влезали сюда каждый раз, когда Арина станет вас увольнять.

– Договорились. Приятного аппетита.

– Спасибо.

На кухне я провел все оставшееся до обеда время, снова и снова дополняя список покупок, пока говядина тушилась с овощами.

Учитывая, что Арина не вышла к завтраку, а Майя уехала сразу же, как доела свои блинчики и украла пару кексов, я сомневался, что девушка выйдет к обеду, убирая остатки завтрака. Поэтому хотел приготовить то, что можно позже легко разогреть. С «высокой кухней» я планировал ее познакомить позже, хотя, если учесть, что я работаю на модель, она с ней давно знакома. И все же я против того, чтобы выбрасывать продукты. «Оставит в контейнерах, а позже, когда проголодается, обязательно все съест», – в этом я почему-то не сомневался.

Почувствовав правильный аромат некоторых приправ, которые купил вчера вечером, я отвлекся от списка и вернулся к плите.

Картофель был мягким, овощи держали форму, а говядину можно было рвать на волокна без труда.

– Идеально, – кивнул я самому себе и выключил газ.

Сбрызнув заранее нарезанный салат, черри и авокадо приготовленной заправкой, я подхватил тарелки и отправился в столовую.

Решив не экспериментировать с вином на случай, если девушка его не употребляет или банально ей сейчас нельзя, я приготовил лимонад, но поставил так же и воду. Следующий шаг я не продумывал. Поэтому стал размышлять над тем, как мне поступить.

Еда остынет быстро, а позвать хозяйку стоило. Она не застракала, и время уже приближалось к двум часам.

Замерев на выходе из кухни, я решил спросить совет у Майи, когда заметил движение на лестнице. Повернув голову, я наткнулся на те же ноги, но уже в брюках. И когда показалась и голова Арины, она снова замерла на ступенях, заметив наблюдающего за ней меня.

– Вы все еще здесь?

На ней были в тон белым брюкам белая кофта с длинным рукавом. А волосы свисали так, словно она была готова к постороннему в ее доме.

– Я приготовил обед, – ответил я, и она сузила глаза.

– Мне наплевать. Я вышла, чтобы поесть, и дала вам достаточно времени, чтобы вы забрали свои вещи и покинули мой дом.

Говоря мне все это, она двигалась вперед – на меня. Должен признать, в ней было чертовски много силы, так как был уверен, она спустится через месяц, не раньше.

– Надеюсь, вы не против говядины?

– Так, послушайте, я в шаге от вызова полиции. Это мой дом, и я вас сюда не приглашала.

Арина остановилась напротив, но в полуразвороте, демонстрируя не пострадавшую часть лица.

Ее прямой, но вздернутый на кончике нос был милым, а губы имели четкий контур. Что уж говорить о красивых и волнистых волосах и высоких скулах, которые хотела бы иметь, пожалуй, большая часть женщин на планете.

Она была так заиклена на «приобретенных» недостатках, что забыла о своих достоинствах.

– Почему вы так на меня смотрите?

Ее голос был все еще громким и твердым, но он дрожал в некоторых моментах, и я заглянул в ее голубые глаза, когда она это позволила.

Это столкновение продлилось меньше пары секунд. Две жалкие секунды, во время которых я был опустошен, как и она сама, словно поймал все те сигналы, что она отчаянно раздавала вокруг. А потом Арина вздрогнула. Отшатнулась. И тут же прошла мимо меня, накрывая своим ароматом будто волной.

Мы стояли у столовой, туда она и вошла. А я за ней, остановившись совсем близко, потому что она была фактически на пороге.

– Я не просила вас это готовить, – заявила она, но ее живот очень громко заурчал, и я усмехнулся.

Девушка развернулась ко мне и, не ожидая, что я стою близко, почти отпрыгнула в сторону.

– Что вы себе позволяете?

– Я позволил себе малость – приготовил для вас обед. Приятного аппетита. И я все еще жду ваши пожелания, любимые продукты...

– Мой любимый продукт – тишина и уединение.

– Я не стану вам мешать, – сказав это, я тут же вышел и услышал в спину настойчивое:

– Я, так и быть, заплачу вам за этот обед и потраченное время, но, когда моя тарелка опустеет, буду надеяться, что вы уже покинули мой дом.

Войдя на кухню, я остановился у раковины и... тихо рассмеялся. Я просто хохотал, зажав рот, и скрылся в кладовой, закрыв за собой дверь.

Она была такой забавной, что я не мог поверить, как кто-то вообще решил поступить с ней настолько жестоко.

Эта мысль заставила меня надолго зависнуть в моменте, и, когда я наконец решил выйти из кладовой, то застал Арину с ложкой, тарелкой и лопаткой у плиты.

– Я... – она смотрела на меня и не знала, что сказать.

– Хотите добавки?

– Нет. Пыталась понять, сколько вы приготовили, чтобы заплатить достойную сумму и не таскаться по судам, оправдываясь, что я вас низко оценила и была скупа.

– Моя заработная плата вполне устраивает мои пожелания.

– У вас нет заработной платы в этом доме, и точка. Я сейчас вернусь с чековой книжкой, и на этом вопрос будет ула-

жен.

Она развернулась и быстро вышла из кухни, а я сделал вид, что не заметил, как она сжимает в одной руке мой кекс.

– Ну и ну, – вздохнул я, улыбаясь, уже размышляя над тем, что приготовлю ей на ужин. Потому я ни за что отсюда не уйду, пока она так отчаянно меня об этом просит.

Глава 7

Арина

Когда я закрыла дверь в свою комнату, то прислонилась к ней спиной, потому что была готова рухнуть на пол из-за слабости в коленях. Кекс, что я своровала на кухне, выкатился из моей руки куда-то в сторону.

Я была на грани. Подступало что-то сложное. Оно тяжело обволакивало грудь, и дышать с каждой секундой становилось все тяжелее.

– Боже, – прошептала я и ударила в грудь кулаком. – Не хватало еще обмороков.

Но голова кружилась, и такое состояние было для меня несвойственным. Поэтому я запаниковала.

Воздух со свистом покидал мои легкие и с трудом проникал новый глоток, будто по крупице проверяя мою выносливость.

– Что такое? – я стекла на пол и встала на четвереньки.

Лоб покрылся бисеринками пота, а по телу пробежала рябь. Именно рябь, а не дрожь, будто я была слаба, но пыталась подняться на ноги. И все же я хотела на свежий воздух, доступ к которому был через пять метров.

С трудом встав на ноги, держась за стенку, я потащила

свою жалкую задницу к окну и трясущимися руками открыла его нараспашку.

Холодный ветер хлынул в лицо, будто пробивая дыру в моей груди, и я почти захлебнулась этим потоком, потому и закашлялась, все еще прижимая ладонь к груди.

Сев под окном, чувствуя, как ветер играет с макушкой, я не шевелилась, пока полностью не восстановила дыхание. Было забыто все, что произошло в этот день. Предательство Майи, мужчина, который вел себя словно хозяин на моей кухне, в моем доме. Казалось, словно я вернулась с того света. Такое же ощущение было в тот день, когда я очнулась в больнице и поняла, что вернулась с того света наполовину.

Если честно, даже сейчас мне казалось, что одна моя половина живет в аду, другая... точно не в раю. Она скорее просто существовала с другими грешниками на этой земле. Вот как я себя чувствовала. Не уверена, что Майя это понимала, когда пошла против моего слова.

На самом деле ее предательство не было неожиданным.

Из моей жизни ушли все. Да, я их прогнала, но они были рады свалить. К чему им теперь стерва, которую они и до этого не могли выносить. Скорее мирились с моим присутствием в своих жалких жизнях. И кто же теперь жалкий?

Теперь и Майя решила свалить. Что ж, я ее даже не виныла. Если честно, я испытала в некотором роде облегчение. Она застряла со мной, потому что в какой-то степени считала себя обязанной за мной присматривать. И я виныла за

это себя. Она молода, красива и чертовски классная. Из нее вышла чумовая мачеха, даже в те моменты, когда я была занозой в ее заднице.

Поэтому я почувствовала облегчение. Чувство вины наконец уйдет, когда она начнет жить по-настоящему, а не копаться в моих очередных проблемах. Папа поделил имущество пополам, потому что любил нас обеих одинаково сильно. И я была ему благодарна за то, что он поступил именно так.

Когда он умер, пресса тут же разнесла информацию о том, что сейчас начнется война между дочерью и вдовой Журавлевых. И как же круто они обломались, когда мы держались за руки все четыре года.

Наступила пора Майе вспомнить, что жизнь закончилась у папы, а не у нее.

От этой мысли я почувствовала, как из глаз синхронно катятся слезы. Обожженная кислотой сторона тут же стала теплой, я это ощутила и разрыдалась еще сильнее.

Замерзнув из-за того, что все тепло из комнаты испарилось, я наконец встала и холодными конечностями закрыла окно, затем скинула одежду и пошла в ванную. Включила воду и погрузилась в нее с головой, когда той стало достаточно.

Больше всего на свете я ненавидела жалость к себе, но только этим и занималась. Сутками напролет. Как бы мне хотелось перестать это делать. Но как бы отчаянно ни пыталась, не выходило. Было о чем сожалеть. О том, что уже

успела сделать. О том, что планировала, но не успела до захода «солнца».

Закончив принимать ванну, я выполнила все требования по уходу за кожей, мерзко осматривая себя голую, и вошла в комнату, чтобы одеться. У меня на сегодня была запланирована еще одна миссия, которая из-за приступа «чего-то там» была отложена.

Надев уже другие, голубого цвета брюки и водолазку с длинным рукавом и под горло, чтобы скрыть шрамы, я еще нанесла толстый слой тональника. Очень толстый.

Слово «свобода» засветилось издевательским синим цветом, пока я размазывала кистью очередной слой.

Вот она, моя свобода в собственном доме. Оставалось подождать еще пять, от силы десять минут.

Взяв чековую книжку, ручку, которой я подписывала документы, телефон и распустив волосы (потому что макияж не мог закрыть все изъяны окончательно, лишь немного убирал этот мерзкий, местами розовый, местами бордово-синюшный цвет – забавно, что губы не пострадали совсем, потому я нанесла бордовую помаду, сделав акцент на них), я вышла из комнаты.

Спускаясь по лестнице в очередной раз, я намеревалась поставить точку всему тому бардаку, что натворила Майя, сменить замки и, наверное, охрану, чтобы они точно никого не пропускали внутрь.

Должно быть, прошло несколько часов, пока меня не бы-

ло. Потому что на кухне царил какой-то хаос, сопровождаемый шумом и вкусными ароматами, а это означало, что мужчина принялся за ужин.

Французские двери были нараспашку, поэтому, прежде чем войти, я посмотрела в одно из стекол и снова поправила волосы, прикрыв уродливый шрам.

Сделав шаг внутрь, я замерла. Кай, пританцовывая под какую-то музыку, что звучала в наушниках, улыбался. Перед ним стояли две креманки, наполненные чем-то цвета крем-брюле. И, смотря на них, он был доволен увиденным.

– Класс, – прошептал он и ухватился за противень, который понес к холодильнику.

Как только он закрыл дверцу и обернулся, тут же замер и тут же вытащил оба наушника из ушей.

– Ужин почти готов, – ответил он, словно я спрашивала.

– Что ж, за него я в таком случае тоже заплачу. Как и за потраченное время.

Я деловито прошагала к островку и села на барный стул так, чтобы ему было видно только левую сторону моего лица.

– В этом нет необходимости, Арина.

Мое имя на его губах словно было воздушным шариком, в который насыпали песку и бросили мне в лицо.

Выписав чек, поставив на нем подпись, я вырвала его из книжки и протянула по гранитной столешнице, оставив посередине.

Кай выгнул бровь и наклонился, указательным пальцем

развернув к себе бумажку, словно та была заразной (неудивительно), и присвистнул.

– Не поймите меня неправильно, я уверен в своих кулинарных талантах, но этой суммой вы меня перепутали с Гордоном Рамзи.

– Мне не нужна шумиха в прессе. На выходе ваш телефон будет досмотрен охраной в целях безопасности.

– Это лишнее, я подписал договор. В нем четко прописан пункт...

– Я с вами, как хозяйка этого дома, ничего не подписывала.

Мне пришлось подавить ярость. Выдохнуть и посмотреть на него. Мужчина стоял в своей униформе и скрестил руки на груди. Его лицо показывало, насколько он добродушен и мил, но я знала, насколько ужасной бывает правда внутри таких людей. Поэтому имела привычку не доверять никому. Он мог прямо сейчас записывать наш разговор, да что угодно. Даже развесить тут камеры слежения и транслировать онлайн. От этой мысли меня чуть не стошнило.

– Послушайте, Кай. Это мой дом. И в нем сейчас находится посторонний, пусть даже и нанятый моей бывшей помощницей человек. Мне это не нравится и приносит дискомфорт. Я прошу вас уйти. Я написала достаточно приемлемую сумму, которой хватит прожить месяц, пока вы ищете новое место. Полагаю, с вашим талантом это не будет проблемой. Если вам потребуется что-то вроде характеристики, я могу

написать о том, как вкусно вы меня накормили. Я прошу вас об уважении и надеюсь, что вы меня слышали.

Не дав ему и слова вставить, я встала и пошла к двери, ведущей на улицу. Из гардероба я взяла куртку и накинула, потому что не хотела заболеть.

Охранники тут же подошли ближе.

– Дмитрий, Кирилл, добрый вечер.

– Добрый вечер, Арина. У вас что-то стряслось?

– Да. Мужчина в доме – Кай. Я запрещаю его впускать когда-либо, по какому-либо поводу. Это ясно?

Они оба кивнули, хоть и посмотрели друг на друга искоса.

– Глебу и Ивану передайте тоже самое.

– Конечно.

Быстро вернувшись обратно, я обнаружила Кая, стоящего в гостиной.

– Вы уже собирались?

– Да. Я накрыл на стол и займусь чисткой плиты и мытьем посуды.

– Это просто смешно. Вы не можете меня игнорировать.

– Вы правы. Я слышу вас, а это уже точно не игнор, но остаюсь. И тот факт, что вы упомянули о том, что я незнакомый мужчина и вас это тревожит, я могу вас заверить, что я не бандит, не имею приводов и даже ни разу не получил штраф за парковку или превышение скорости.

– Я не... Это не то, что я имела в виду. Мне нужно уединение. Я не люблю, когда в моем доме посторонние люди.

– Поэтому я пребываю на кухне. Если вы установите точное время, когда будете спускаться к трапезе, я буду накрывать к вашему приходу, и вы меня даже не увидите. Ни разу.

В этом была логика. Но это все еще мешало моей свободе. От макияжа мое лицо стало зудеть, а кожа на шее словно покрылась волдырями, и мне хотелось ее разодрать в кровь.

– Мое окончательное мнение вы увидите снова, если подойдете к острову. До свидания.

И я прошла к лестнице, потому что иначе сдернула бы с себя кофту и стала чесаться. Так я и поступила, войдя в спальню.

«Видимо, от некоторых тканей мне придется отказаться», – сделала я неутешительное заключение и надела хлопковую футболку.

Спустя некоторое время я решила, что не хочу мучиться чувством голода, и спустилась на первый этаж.

Дома стояла исключительная тишина. И она обнадеживала.

Я прошла в столовую – там еды уже не было, ведь Кай накрывал на меня ужин. Прошла по коридору к гардеробной и, заглянув, обнаружила пустой шкаф.

Дверь была закрыта.

– О боже, у него ключи.

Майя, – захотелось мне закричать, но голос был на сегодня достаточно сорван.

Я вернулась на кухню и обнаружила такую чистоту, словно

тут никогда никого не было.

Пройдя ближе к острову, я обнаружила свой чек. Он был порван на кусочки и сложен как паззл.

– Идиот, – зашипела я и пошла к холодильнику.

Открыв его, я увидела записку, написанную довольно красивым для мужчины почерком:

«Это рыба с рисом. Просто наберите, сколько решите поесть, и разогрейте в микроволновке. В креманке застыл десерт. Он готов к употреблению. Обед я так же разложил по контейнерам и сложил на нижней полке.

Приятного аппетита и до свидания, Арина.

К.»

Его «до свидания» не внушало доверия и не говорило прямым текстом «Прощайте. Мы с вами больше никогда не увидимся». Но я все равно надеялась, что завтра утром я выпью одинокий кофе и съем один из тех десертов, что он приготовил мне сегодня.

Весь ужин я стонала от удовольствия. И очень старалась не съесть еще одну тарелку добавки. Искушение было действительно велико, потому что рыба была великолепна, а рис даже не знал, что его можно приготовить иначе, и он имеет свойство липнуть друг к другу, как однажды это сделала Майя.

Десертом был тирамису. Вроде быстрого варианта, я так поняла, но не менее вкусный. Он, если честно, был исключительным. И это порядком раздражало. Почему он не мог

плохо готовить, чтобы я не испытывала муки совести по поводу его увольнения?

Но я все равно не была готова к постороннему в моем доме и потому закрыла эту тему в своей голове.

Уснув ближе к часу, я провалялась до десяти. Лениво исполнив свой привычный утренний ритуал, я оделась (на всякий случай). Но наносить макияж не стала – у меня от изнеженности и крепкого сна все тело было таким ватным, что я просто не была в состоянии «рисовать» свое лицо, словно я скульптор. Тем более я надеялась, что Кая здесь нет.

Выйдя из комнаты, я подошла к лестнице. Было тихо, но, когда я спустилась до середины лестницы, я ощутила это. Аромат вкусной еды. Не той, что готовила Майя. Той, что приготовил бы отличный повар. И, чтобы я не расслаблялась, он показался из-за угла.

– Доброе утро. Я накрыл для вас завтрак.

Я не ответила и, угрюмо ступая по полу, подошла ближе.

– Я же сказала вам все вчера, – процедила сквозь зубы.

– О, я полагал, вы мой ответ тоже увидели.

Затем он улыбнулся и скрылся на кухне, а я застонала из-за этого чертова аромата.

– В любовных романах про мафию и криминал женщин предает тело. Они тают и позволяют с собой делать этим влюбленным в них ублюдкам что угодно. Меня предает желудок, – проворчала я и бессильно пошла в столовую, планируя, как выгнать этого засранца из моего дома.

Глава 8

Кай

– Что скажешь?

– Они великолепны, – бабушка в десятый раз нюхает букет цветов и улыбается.

Морщинки на ее лице становятся глубже, но выглядит она счастливее, чем когда-либо.

– Не стоило тратиться, – возмущается она, целуя меня в щеку и крепко обнимая.

– Не стоило сейчас этого говорить. Как твои дела?

– Как могут быть дела у старушки?

Разложив продукты на столе, я сверяюсь со временем, потому что мне через два с половиной часа нужно быть на работе.

– Ты вздумал готовить в моем доме? – одарив меня строгим взглядом, она встает рядом.

– Нет, мы будем делать это вместе. Как и всегда.

Она начинает заливисто смеяться, а я улыбаюсь.

Для моей бабули главным блюдом на любые праздники, как ни странно, всегда были пельмени и другие изделия из теста, а еще заготовки на зиму. Однажды я с трудом уговорил ее поставить на стол запеченное мясо, купленные ово-

щи, а не закрученные ею же, и другие продукты. Но бабушка слишком упряма. А так как времени у меня сейчас мало, я делаю сегодня равиоли с тремя начинками. Ведь отдохнувшее тесто, что я сделал на кухне мадам «не-возвращайся-больше», у меня уже с собой.

— Ох уж эти твои ресторанные штучки, — трясет она кулаком, но, слава госуду, больше не сопротивляется.

Первые мы делаем с мясом, другие — классические со шпинатом и зеленью, а третьи — с рикоттой.

Как бы она ни возмущалась, бабушка обожает, как я готовлю. И неспроста.

Она стала той, кто открыл мне мир кулинарии. Когда я был маленьким, мама сильно заболела и в итоге умерла, а отец... в общем, он, как истинный мудака, не скрывая радости, свалил из дома.

Ба всегда говорила, что мама из-за него и заболела, потому что он слишком сильно ее ненавидел и не мог даже бросить, чтобы не лишаться удовольствия смотреть, как она корчится, умирая. Вместо этого он оставался рядом и изводил ее.

Когда бабушка и дед забрали меня к себе, отец требовал у них денег, а иначе грозился пойти в опеку. С деньгами было туго, и нас спасал огород.

Я проводил с ней дни напролет, выращивая овощи, ухаживая за домашним скотом и наблюдая за тем, как она творит магию на кухне. А потом... умер дедушка. У бабули под-

косило здоровье, а именно суставы, и я стал готовить для нас двоих под ее четким руководством.

В итоге это привело меня в кулинарный колледж, на первую работу и сотни часов проб и ошибок у одного шеф-повара, к которому я попал по чистой случайности. И лишь когда достиг необходимых навыков, он взял меня работать в свой ресторан.

Можно подумать, что жизнь улыбнулась мне и все стало иначе. Да, так, пожалуй, и было в самом начале. Пока вновь не объявился ублюдок-отец и не заявил, что у меня есть сводная сестра.

Увидев Соню, я понял лишь то, что должен ей помочь, пока она не подрастет и не поступит в колледж, как я, иначе выбраться из лап этого говнюка ей не представится. Надежды на ее мать тоже не было. Сейчас сестре было девять, а впереди – годы содержания малышки и этих двух сволочей. Плюс бабушке теперь требовалась сиделка, которая приходила к ней через день и помогала с разными делами.

Именно поэтому остаться без работы мне крайне нежелательно. И хоть чек от Арины был идеальной финансовой подушкой, брать я его все же не планировал.

Закончив с первой партией, я кладу равиоли на тарелку и кладу поверх красиво обрезанных зигзагом квадратов сливочное масло и накрываю.

– Аромат-то какой, Кай, – бабуля вздыхает и садится, тяжело переставляя ноги.

– Это ты их еще не попробовала.

– Не терпится понять, чем это отличается от пельменей.

– Это имеет название «равиоли».

– Да хоть галушки, – хихикает она, заставляя улыбнуться.

Я готовлю больше, чем пообещал ей изначально, и большую часть укладываю в контейнеры.

– Ба, тут немного осталось. В холодильнике будут лежать подписанные. Не ошибешься.

– Знаю я твои «чуть-чуть». Картошку с мясом до сих пор не съела.

– Ей ничего не будет, пока она в холодильнике. Но не затягивай.

– Да там на ужин осталось и все.

– А что с продуктами? – оборачиваюсь, наблюдая, как она жмурится от удовольствия, поедая вторую порцию со шпинатом и зеленью.

– Хорошо у меня с продуктами. Сам посмотри. Да и Катерина, если что, нужное покупает.

– Я знаю. Вдруг что-то срочное.

– Поди сюда, – зовет она, и я сажусь рядом, пока есть минутка.

Бабушка накрывает ладонь своей немного сухой рукой и поглаживает, пока я ставлю записку в уме – попросить сиделку купить нужный крем, чтобы не ошибиться при выборе.

– Ты-то сам как, внучок?

– Жив и здоров. Работаю у молодой женщины сейчас.

– Вот те раз. А что с тем мальчиком?

При слове «мальчик» я подавляю усмешку.

– Да там... сложно все, в общем.

– Поссорились?

– Нет, ты что. Фетисов – крутой мужик. Просто, ты же знаешь, что он в аварию попал, так вот, осложнения какие-то.

– Ох, бедный. А что за женщина?

– Модель одна.

– Смотри, не попадись на ее удочку. Знаю я этих моделей, – ворчит бабушка. – Красивые, а мужиками крутят так, что те с ума сходят.

– Она не совсем такая.

– Ну, разумеется. Тебе попалась другая. Ты уж старуху послушай и будь осторожней. Готовишь и готовь, а то потом еще и зарплату перестанет платить.

Я уже хочу попросить ее успокоиться, как она заканчивает свою пламенную речь:

– И под юбку к ей не лезь!

– Бабуль, ну...

– Вот тебе и «ну». То-то я вижу, приехал счастливый.

Пока она продолжает ворчать, я заканчиваю с третьей партией. Часть кладу в контейнер и приоткрываю крышку, другую – на тарелку и сажусь к бабушке.

Благо она быстро забывает о моей новой работе и дает советы, что нужно купить сестре, потому что отец и ее мамаша отпускают ее к бабушке иногда в гости. Так я и узнаю, чем

нужно помочь ей и требования этого уroda.

Записав список вещей и некоторой канцелярии, я сворачиваю листок и убираю в бумажник.

— Ладно, ба, ехать нужно. Еще на мясной рынок заскочить по дороге.

— Давай, родной. Береги себя.

— А ты себя.

Я провожаю ее до дивана и, чтобы она не ходила лишний раз по дому, закрываю ее на ключ самостоятельно. Прыгаю в машину и еду на работу.

Встречает меня Олег и смотрит, как обычно, неодобрительно. Стоит мне выйти из машины — он тут же подходит.

— Не нравится мне все это.

— Майя уверена, что Арине это поможет.

— Пластический хирург ей поможет.

— Это уже разговоры не по моей части.

Я пытался понять, что вообще происходит, но спросить мне не у кого. С Майей мы говорим раз в день по делу. Арина со мной не говорит вовсе. Охрана рада, если я уберусь навсегда.

Но, судя по тому, что сейчас сказал этот старик, я понимаю, что девушка отказывается от визитов к врачу. Хотя могу очень ошибаться и делать неправильные выводы.

Пройдя в кухню, я отмечаю, что помытая тарелка после завтрака стоит на другом месте, как и чашка. Мусорное ведро пустое, а значит, она все съела. Снова.

Улыбка трогает губы, когда я, расправив плечи, кладу мясо на разделочную доску.

Вчера мы с ней не пересекались. Я старался быть незаметным, освободить пространство, потому что много думал о ней и о том, что с ней случилось. Мне не понравилось, каким уродом я себя в тот момент почувствовал. Словно это было моей идеей вломиться в ее дом и разрушить ее привычную жизнь. Тем более я выучил примерное время, когда девушка спускается к столу: завтрак – 11:00, обед – 15:00, ужин... не знаю, к тому моменту я уже уезжаю. Но заканчиваю я в 20:00, так что, видимо, сразу после моего отъезда она идет ужинать. Плюс после обеда пропадает выпечка и фрукты, которые я оставляю в столовой, а это значит, что у нее есть и дневной перекус.

Разделав отличный кусок баранины, я принимаюсь за говядину, когда слышу шаги за дверями кухни.

– Быть этого не может, – взрывается словно бомба возмущенный женский голос.

– Простите? – оборачиваюсь и сталкиваюсь с ее негодующим взглядом.

– Вы здесь, – вспыхивает она. – Разве вы не уехали?

– А я уже подумал, что вы закончили попытки меня прогнать и смирились, – снова принимаюсь за мясо, нарезаю его острым ножом.

– Смириться? С какой стати я должна это делать?

Арина обходит остров и встает напротив меня, чтобы не

говорить со спиной.

– Я просто отъехал ненадолго.

– Так вы еще и халтурите? Разве вы не должны работать весь день? Планируете отлынивать, разъезжать по городу?

Учитывая, что она говорит, почти смирившись, я улыбаюсь. Это почти победа.

– Ездил за мясом, – указываю на два пакета, лежащих рядом с доской.

– Ага. Три часа, как? Послушайте...

– Я не отлынивал. Поехал на рынок, но еще заехал по личному делу. По пути было.

– По личному делу. Вы меня простите, Кай, но мне внезапно захотелось проверить наличие столового серебра или... – она взмахивает руками.

Мне, конечно, неприятно, что я сейчас предстал в образе возможного вора, но посыл, который она мне дает, я понимаю. Все силы брошены на мое увольнение.

– Я не вор, с моей-то зарплатой. Но даже если бы вы мне платили гроши, брать чужое не в моих принципах. Меня воспитали правильно.

Она, потупив взгляд, одергивает кофту, но старается смотреть по-прежнему строгим взглядом.

– Я не хотела намекать на плохое воспитание. Я имела в виду, что... я не доверяю никому.

– Я тоже. Это нормально. Слушайте, а что если...

– Арина? Кай? Все живы? – донесся голос из гостиной.

Голос Майи.

Она впервые приехала сюда с момента, как я начал здесь работать.

– А она что здесь делает? – срывается хозяйка и спешит навстречу помощнице.

Глава 9

Арина

Быть может, я и скучала по Майе, но прощать ее за поступок, которым она меня глубоко ранила, не планировала. Поэтому не ожидала, что она вот так скоро заявится в мой дом. Ведь я дала ей понять, что мы поставили точку.

Оставив свою злость на эту заразу в поварском колпаке, которая словно вирус проникла в мой дом и заразила его, я поспешила к двери. Пока шла, я буквально закипала от происходящего, с каждым шагом все сильнее.

– Арина? Кай? Если кто-то из вас совершил преступление, я готова помочь скрыть следы и... – я вышла из-за угла, и она замерла, прервавшись на полуслове. – Ариша.

Майя улыбнулась по-доброму, а я скрестила на груди руки, не желая даже разговаривать с ней, и остановилась на расстоянии двух, а то и трех метров.

– Ты в порядке? – спрашивает, делая вид, что все в порядке и ее не задела моя отстраненность. – Мальчик жив?

– Мальчик? Ты его усыновила, что ли, и привела сюда, как в детский сад?

Я не помогала ей смягчить обстановку. Поэтому звучала недовольно.

– В таком случае, забирай «мальчика» и покинь мой дом.

– Девочка моя...

– Не смей, – почти закричала я. – Не притворяйся, что сделанное тобой – ерунда.

Шрам на лице будто заныл, а тот, что тянулся от шеи до плеча, стал в разы тугим.

Я снова накрутила волосы, попыталась замаскировать свои уродства. Не то чтобы я не привыкла ходить с макияжем раньше. Просто раньше он не был защитой. Воспринимался как нечто, чем ты можешь подчеркнуть красоту. Хватало самой малости. Теперь он ощущался словно панцирь, коим и являлся по сути.

Но, несмотря на плотный слой макияжа на правой стороне лица, я все равно распустила волосы. Мой глаз был теперь немного уже, несмотря на то что зрение не пострадало. Из-за натяжения кожи вышло то, что вышло. И эта асимметрия бросалась в глаза смотрящих людей. Сколько угодно можно маскировать, но это не помогает. Поэтому я злилась на нее за то, что она лишила меня свободы и словно заперла в клетке. На него я злилась, так как он не уходил. Но Кай – посторонний, и мне плевать на его чувства. Этот человек меня не предавал и не может причинить боль. А вот Майя... она ударила в грудь и пронзила сердце.

– Скажи своему повару, чтобы он освободил мою кухню и дом. Так как, видимо, меня – хозяйку – он не слышит.

– Арина, ты должна перестать прятаться, – строго заявила

Майя, вызвав усмешку.

– Я никому ничего не должна. Особенно тебе. Счет за твою помощь я сформирую, не переживай.

Разворачиваюсь и хочу уйти. Хоть и чувствую, что, несмотря на злость и обиду, сердце тоже будто в шрамах.

– Я не уйду. Раньше не делала этого, сейчас тем более, – заявляет она, и внутри что-то с хрустом ломается. Боль проливается во внутренние органы, отравляет токсинами, и потому я делаю то, за что потом себя не прощу.

– А что, – снова встаю к ней лицом и говорю самую отвратительную вещь, которую не произносила с юных лет, когда пыталась добиться ее игнора, – сейчас тебе стало еще более жалко падчерицу? Раньше жалела сиротку, которая росла без матери, теперь вознамерилась заменить и отца бедняжке, которая стала чудовищем?

Майя открыла рот, но захлопнула его так, словно кто-то поднял ее челюсть с силой.

– Я бы сейчас взяла ремень с огромными шипами и отходила тебя так, чтобы не могла сидеть неделю.

На этом она бросила свое пальто на диван и прошла в кабинет.

– Я сказала...

– Я тоже сказала, – отрезала она и захлопнула дверь.

Ошеломленная тем, что сейчас произошло, я оглянулась и почувствовала, как бешено колотится сердце. Сорвалась с места и прошла за ней.

Ворвавшись в кабинет, я застала Майю у окна. Она опиралась на подоконник ладонями и смотрела на задний двор. Она повторяла порой те же позы, что принимал отец. Я всегда поражалась тому, как они друг друга чувствовали. Сейчас Майя повторила его самую любимую. В основном он так делал, когда ждал меня в кабинете, чтобы устроить взбучку. Порой мое поведение было отвратительным. Я отталкивала окружающих. Даже его. Обижалась без повода. И я до сих пор не знаю, почему делала это тогда.

Грудную клетку разрывало от противоречивых чувств. Но сейчас разбираться в них я была не готова.

– Я сделала то, что сделала, – сказала решительно мачеха. – И будь я проклята, если не увидела сейчас то, как на тебя повлияло мое решение.

– А что ты увидела? Что загнала меня в угол? Сама говорила, что я устроила себе тюрьму, закрывшись в доме, теперь же и вовсе превратила его в место, где я вынуждена скрываться в комнатах от постороннего человека. За это я должна тебя благодарить?

– Ты хочешь так думать, Арина. Хочешь убеждать себя – убеждай. Но я уверена, что ты не чувствовала себя такой живой за последние полгода.

– Да ты издеваешься надо мной, – усмехнулась я зло. – Живой? Я чувствую себя экспонатом на выставке. Может, пригласишь сюда толпу зевак и попросишь их потыкать в меня пинцетами и отщипнуть кусочек?

– Не говори ерунды, Арина, – повысила она голос и развернулась. – Ты самая сильная девочка, девушка, которую я встречала. И ты не можешь больше позволять себе эти слабости. Не можешь жалеть себя слишком долго.

В груди забарахлило сердце.

Она повторяла свои слова, которые говорила на протяжении многих лет, как вошла в нашу с отцом жизнь. И сейчас я их воспринимала как манипуляцию.

– Не делай вид, что знаешь меня, Майя. Потому что это не так, поверь мне. Меня не знал даже мой отец, а он мне родной человек, в отличие от... – она замерла, и ее губы приоткрылись.

Я тоже не торопилась продолжить, потому что заключительное слово отравляло мозг. Но когда я решила закончить фразу, меня кто-то внезапно схватил за предплечье.

– А... – вскрикнула я и была утащена в сторону кухни, а дверь в кабинет ловко захлопнулась.

Все перед глазами мелькало, пока я не поняла, что это сделал повар.

– Какого черта? – взревела я.

Он затащил меня на кухню, и оттого как сильно хлопнули дорогие французские двери, я вздрогнула, как и задрезавшие стекла.

Тяжело дыша, я была прижата ситуацией скорее, а не мужчиной, к стене. Он меня даже больше не касался.

Он стоял напротив. Его широкая грудная клетка словно

взрывалась внутри тела, а глаза смотрели прямо на меня.

Зрачки Кая бегали по моему лицу, но он ни слова не произнес, и тут я вспомнила, почему парень мог лишиться дара речи. Резко отвернувшись, я подняла руку и сунула пальцы в волосы, направив их на правую сторону лица.

– Послушайте, дамочка, – наконец заговорил он, и я замерла, оставив пальцы в спутавшихся волосах. – Я не имею понятия, что творится в этом доме и между вами с Майей. Но уловил из контекста многое. И вот что я вам скажу, Арина: вы, блин, ни черта не правы. Эта женщина звонила мне каждый день и спрашивала о вас. Поверьте, дерьмовее, когда никому нет дела до того, поели ли вы сегодня и как себя чувствуете.

– Как вы смеете... – попыталась я высказать ему, но он перебил.

– А как смеете вы? Можете прогонять меня сколько угодно. Однажды надоест, и в итоге уйду, поверьте. Это без проблем. Но я просто посторонний здесь. Но она тоже уйдет, – он сделал паузу, а мне стало невыносимо больно от того, что говорил он правду.

Когда я отталкивала папу периодами, я не задумывалась, что он однажды уйдет. Но уйдет действительно навсегда.

Из правого глаза скатилась слеза, и, дотянувшись до нее мизинцем, я смахнула каплю и одернула руку.

– ...и если уйдет, то навсегда, – закончил он свою мысль, и я вздрогнула от суровости этих слов и от того, что он резко

отошел в сторону. – Простите за то, что схватил вас и повел себя таким образом.

Ответить ему не удалось. Горло пересохло, и мне не хотелось вообще сейчас говорить. Потому я развернулась и, подойдя к дверям, схватилась за ручки, но он заговорил со мной снова.

– Арина? – я замерла от того, как прозвучало мое имя, от неожиданности, и это стало безмолвным ответом: «Я слушаю». – Это просто травмированная кожа. Просто шрамы. Они у каждого на теле есть. А лицо это или рука – какая разница? Вашу красоту им испортить все равно не получилось.

Смелости обернуться мне не хватило. Поэтому я открыла двери и рванула в свою комнату, запершись изнутри на ключ.

Глава 10

Кай

«Вот же черт!» – говорил я шепотом или про себя уже несколько минут, как ушла Арина. Точнее, сбежала после моего дерьмового выхода.

Какого хрена я сотворил?

Одно дело – не слушать ее просьбы уйти с работы, другое – хватать, тащить за собой и высказывать о том, чем я на самом деле не имел понятия. Я мог ошибаться со своим мнением, но... стоило услышать разговор двух женщин, сложить «1+1» не составило сложности. Да и по Журавлевой было ясно, что она отталкивает абсолютно всех, иначе бы не сидела здесь безвылазно. Черт, она даже не выходила во двор. Ни с кем не говорила. Это ведь не жизнь. Но я не мог вмешаться и что-то предпринять. В конце концов, я наемный рабочий, и это не мое дело.

«Как же», – фыркнул я на самого себя.

Сдержаться, когда она говорила те дерьмовые вещи, а они были действительно дерьмовыми, было нереально. Вот я и... перешел черту. Конкретно так перешел.

Позабыв о баранине и говядине, лежащих на столе, я вышагивал вокруг острова и, скорее всего, навернул километр

пути, пока на кухне не объявилась Майя, и я замер на месте в ожидании.

– Ты пытаешься стереть подошву или испытываешь удачу, ожидая, когда она загорится? – посмотрела она с улыбкой и чуть покрасневшими глазами.

– Типа того.

Остановившись у разделочной доски, я снова принялся за мясо.

Майя села на барный стул с той стороны, где обычно пьют кофе и едят завтрак.

– Ты не мог бы приготовить мне тот чай, который я пила в прошлый визит? – попросила она, и я тут же отошел к раковине, сдернул перчатки и вымыл руки.

Готовя чай, я чувствовал женский взгляд на своей спине. Он нервировал, так как я не знал, что в итоге скажет Майя, и трусливо опасался увольнения. В моем кармане лежал огромный список покупок для сестры и подачка для отца, который не забыл в долбанном СМС напомнить об угрозе сдать Соню в приют.

«Ублюдок», – злюсь я и сосредотачиваюсь на чае.

– Кай? – зовет Майя, и мне кажется, что я уже знаю, что она скажет дальше. Поэтому, развернувшись, улыбаюсь, смягчая то, что ей нужно сделать.

– Ваш чай, – ставлю перед ней чайную пару и отхожу к раковине.

– Спасибо. И не только за чай.

Она обхватывает кружку ладонями, будто замерзла, и отворачивается к окну.

– Арина – маленький волчонок, отбившийся от стаи. Она не знала материнской любви и потому, наверное, решила, что лучше жить без привязанностей. Это ее защитный механизм.

Я слушал ее и понимал, потому что видел ее собственными глазами. Но не принимал до конца решение молодой женщины отталкивать всех таким способом.

– Это не мое дело, – отвечаю без грубости, надев перчатки на руки. – Я думаю, что будет лучше, если я и правда уйду.

– Ни за что, – тут же протестует Майя. – Ей только это и нужно. Правда, я пойму, если вы устали от ее нервотрепки. Она бывает очень настойчивой и зудящей, – смеется. – Но лишь потому, что боится раскрыться до конца.

Если честно, я не знал, почему она со мной делится такими подробностями. Но все равно слушал, нарезая мясо.

– То, что вы ей сказали, должно что-то в ней зацепить.

– Это не было моей конечной целью. Просто... я перешел черту.

– Тогда вам стоит извиниться, – тут же парирует Майя.

– Думаю, вкусный обед подойдет.

Она смеется и поднимает кружку к губам.

– Простите, – обращаюсь к Майе. – Это не мое дело, но... вы знаете Арину с детства?

– Я... – она мнетя и опускает голову. – Это долгая исто-

рия. Но для Арины я вошла в их семью, когда ей было пятнадцать лет.

Я нахмурился, но не стал расспрашивать. Должно быть, тут и правда есть своя история. А у кого их нет?

Оставшись один на один с едой, я заговорил на языке вкусов. Новые приправы, посуда и продукты высшего качества – я погрузился в готовку и закончил повествование, когда выключил плиту и оформил блюда.

Накрыв на стол, я задумался, стоит ли мне подняться к хозяйке, но решил, что это будет лишним, и скрылся на кухне. В конце концов, она поест. Услышал я лишь Майю, которая восхищенно ела свой обед и зашла поблагодарить за него.

– Она спустится, просто не бегайте перед ней, трясаясь и умолая. Я буду в кабинете.

– А мне... нужно отъехать ненадолго.

– Как пожелаете, Кай.

Время показывало почти три часа. Поэтому я поспешил переодеться и написал сестре, что буду скоро, а значит, она должна дожждаться. Затем скинул СМС отцу, что привезу Сою к вечеру. Я распланировал каждую минуту и не мог потерять ни одной.

Выйдя на улицу, я остановился у машины, которую теперь загонял во двор, а не оставлял снаружи, и зачем-то обернулся, посмотрев на окна, расположенные на углу дома. Арина стояла в одном из них. И когда я ее заметил, она не ушла. Не отвернулась. Она продолжала смотреть на меня. Даже когда

я сел в машину, девушка не шелохнулась. Но я все равно запустил двигатель и уехал, все-таки позволив себе потерять одну минуту.

Припарковавшись у школы, я выскочил из машины, побежал к корпусу, позвонив сестренке.

– Кай, – закричала она и побежала по лестнице.

– Осторожней, – предупредил ее, так как не хотел, чтобы она упала и ушиблась.

Мы не виделись две недели, поэтому я был рад этой улыбке и крепким объятиям. Для девяти лет она была такой крошечной, что утопала в моих руках словно младенец.

– Привет, – с трудом оторвал ее от себя и, взяв рюкзак, дождался, когда ее ладошка скользнет в мою руку, и лишь после этого двинулся в сторону ворот.

Болтая о школе, Соня упомянула школьный концерт, на который была бы рада меня пригласить. Я прибегнул к заметкам в своей голове, прежде чем обещать ей что-то.

– Если не будет никаких форс-мажоров, то я обязательно приду.

– Хорошо. А куда мы поедem сейчас? – спросила она, когда я стал пристегивать ее к бустеру на заднем сидении.

– Прогуляемся. Ты как? За?

– Конечно, – захлопала она весело, и я закрыл дверь.

– У нас всего пара часов, поэтому давай повеселимся.

Соня была обычным ребенком, но понимала очень много. Попросила мороженое, но скромно отказалась от двойной

порции. Была бы рада, если бы я купил ей дорогие тетради и ручки, но сказала, что не хочет их и выбрала самые дешевые – без рисунков и блесток. А понравившиеся сразу балетки в школу, так как старые стали сильно малы, убрала на полку и присмотрела другие. Более дешевые. Но я бы не смог спать, не купи я ей все то, что заставляло эту крошку улыбаться.

– А папа с мамой не заберут у меня все это? – почти шепотом спросила она, когда мы ехали к ним домой, наигравшись в детской комнате, которую посещаем в наши встречи.

– Нет. А что, уже делали так?

– Однажды мама сказала, что если ей не хватит на что-то там денег, она продаст мои вещи, потому что они дорогие.

Сжав руль, я почувствовал, как закипает кровь, а кожаный чехол заскрипел под пальцами.

– Кай?

– Не волнуйся, малышка. Они никогда так не поступят. Тебе хватает еды дома?

– Ну, да, – она отвернулась.

– Оплату за новый месяц питания в школу еще не присылали?

– Кажется, нет.

– Как всегда, пришли ее мне, ладно?

– Ладно, – она опустила голову, и я проклял все на свете.

– Ты как, Сонь?

– Почему я не могу жить с бабушкой и с тобой?

– Потому что у тебя есть родители.

– Но они же плохие, – запротестовала она.

– Потерпи, ладно? Помнишь, я говорил тебе, почему нужно быть сильной и умной?

– Помню.

– Если ты будешь сильной, то получишь в этой жизни билет в будущее. А я с бабушкой помогу.

Остановившись у их дома, я вышел из машины. Помог выбраться Соне и взял пакеты.

Мы вошли в квартиру, где, как обычно, воняло непойми чем и было грязно.

– Эй, – крикнул, чтобы эти двое выползли из своей комнаты.

Они спешно убирались и делали вид, что устали, наводя порядок.

– Ой, а вот и моя доченька, – заговорила мамаша Сони и потянула к ней свои руки.

– Отойди от нее. Руки бы хоть помыла сначала, – недовольно рявкнул на нее, и та быстро отошла в сторону, выправившись.

– Ты со мной еще поговори.

Я провел Соню в ее комнату – единственную комнату, где был порядок, – и прикрыл дверь, сказав, чтобы она положила все на свои места, пока я говорю с ее родителями. У Сони была красивая детская кровать, стол и шкафы. Хотя мы и купили это с рук на сайте объявлений, но они были в отличном состоянии.

На кухне я положил на стол деньги и продукты для сестры. В отдельном пакете были «продукты» для этих двоих.

– Чтобы не трогали ее вещи и не вздумали продавать, ясно?

– Ты как с нами разговариваешь, – встал отец, но, когда я сделал к нему шаг, сел на место и отклонился назад.

– Я сказал, чтобы вы следили за ребенком, ее питанием и одеждой. За это я вам плачу и терплю ваши рожи.

– Я твой отец.

– Ты мне никто. Поэтому даже не пытайся. Наведите порядок, пока я не разозлился и сам не позвал сюда опеку.

– Тогда ты ее больше не увидишь, – хмыкнули они оба.

– Но и вам не достанется от меня ни копейки. Может, сдохнете наконец.

Они скривились, но больше ни слова не сказали. Я разложил продукты по разным полкам и дал понять, чтобы не трогали еду для Сони, и прошел к ней.

– Все? – она села на кровать, а я подвинул стул, чтобы сесть ближе.

– Ты помнишь, что я сказал?

– Буду сильной, – ответила она и обняла. – Я люблю тебя, Кай.

– А я тебя.

Вернувшись на работу, я был, как всегда после этих визитов, подавлен. У меня не было выбора. На самом деле ни у кого из нас его не было. Но я уже знал, что Соню мне не

отдадут даже после предоставления бумаг с моей зарплатой. Я не был женат, и это ставило точку в моих бессмысленных попытках помочь сестре. И потому мирился с этим. Помогал как мог. Просто это угнетало каждый раз, и я с трудом справлялся с эмоциями.

Вскоре после моего возвращения Майя вышла из кабинета и сказала, что едет домой. Еще она поделилась тем, что Арина вышла к обеду почти сразу, как я уехал из дома, и это заставило улыбнуться.

«Ну хоть так», – согласился я с самим собой и принялся за приготовление ужина.

Выйдя с тарелками в столовую, мне показалось, что я увидел движение сбоку. И потому, поставив на стол блюда с едой, вышел в гостиную, когда у лестницы остановилась Арина и посмотрела на меня с вызовом.

– Я почти накрыл, – кивнул ей и скрылся на кухне, ухмыляясь. Даже не знаю почему, но я ощущал некую победу.

Взяв корзинку с хлебом, соусом для мяса и напитки, я вышел в столовую. Арина сидела за столом и смотрела в окно.

Когда я закончил сервировать стол, она наконец посмотрела на меня.

Я отметил тот факт, что она села на правую сторону стола. Ведь таким образом ее правая сторона лица была скрыта от моих глаз. Ее волосы были распущены, а слой косметики был замечен мной даже на расстоянии.

– Скажите, Кай, – заговорила она со мной, и я остановил-

ся. – Какова вероятность того, что, если я по-прежнему буду просить вас уйти, вы сделаете это?

– Боюсь, что эта вероятность равна нулю.

– Ясно. Тогда я предпочту перестать тратить на вас свои нервы. Оставайтесь, – мои брови поползли далеко наверх.

Арина же теперь смотрела прямо. Она была безэмоциональной и словно истощенной. Говорила монотонно и негромко.

– Не ходите по дому, оставайтесь в пределах своей зоны ответственности.

– Конечно.

– У вас нет чистого листа и ручки с собой?

– Могу принести.

– Если вас не затруднит.

Быстро ускользнув на кухню, я схватил блокнот с записями и ручку и вернулся, положив их рядом с Ариной.

Она взяла их и стала выводить аккуратные слова и цифры, пока я наблюдал за ней.

Красивые руки, изящные пальцы. Она держала ручку и писала, но казалось, что позирует на камеру, настолько грациозно было ее тело, образ. Я встречал много богатых людей. Молодых и в возрасте. Но я бы поклялся, что такой женщины, как она, не видел в своей жизни ни разу.

– Это расписание удобное для трапезы. В целом меня устраивает время подачи завтрака, обеда и ужина. Последнее можно немного сдвинуть. Допустим, к семи.

– Как скажете.

– Далее продукты. Аллергии у меня нет. Но я не люблю кинзу и равнодушна к орехам.

Дальше она стала перечислять любимые продукты и высказалась о частоте подачи тех или иных видов мяса, попросив как можно чаще готовить рыбу.

На обсуждение ушло меньше пятнадцати минут, и за все это время она ни разу не повернула ко мне голову, смотря либо в блокнот, либо на стену напротив. Я даже разозлился в какой-то момент. Хотелось высказать ей, что она не какое-то чудовище, которым себя обозвала в первую нашу встречу. Думал напомнить, что это просто кожа, но прикусил язык, слушая ее пристрастия к еде.

– Если я что-то вспомню, дам знать.

– Спасибо за подробное обсуждение, – улыбнулся, словно она могла видеть меня, и забрал отодвинутые на край стола письменные принадлежности.

Остановившись у выхода из столовой, я вздохнул и развернулся, наткнувшись на ее взгляд, брошенный в спину. Но когда я поймал его, она отворачиваться не стала и ждала, что я хочу сказать.

– Хотел еще раз извиниться перед вами.

Арина расправила плечи и прищурилась.

– Да, об этом я тоже хотела сказать. Подобное не должно повториться, – теперь ее голос звучал достаточно громко и эмоционально.

– Обещаю, – ответил и покинул столовую, пожелав приятного аппетита.

Глава 11

Арина

На следующий день я проснулась очень рано, и когда я говорю «очень», то здесь скорее помноженное на десять «очень». Хотя я не уверена, что вообще спала. Вчера я была измотана эмоционально, и нервы успокоить к моменту, когда я обычно ложусь в постель, так и не получилось.

Обычно я делаю свои первые шаги на первый этаж, когда время близится к одиннадцати и мой желудок кричит от пустоты. Сейчас даже восьми не было.

На мне была пижама, состоящая из шорт и майки, так как стало лень переодеваться, растрепанные волосы и чистая кожа без грамма косметики, если не считать специальный крем. Я даже не умылась, если на то пошло, и, наверное, выглядела как мочалка.

Дома было тихо, когда я спустилась вниз. Но не просто тихо. Это была иная атмосфера для подобного определения, ведь, как известно, многие люди считают тишиной не отсутствие звуков. Они называют тишиной пустоту. Это схожее ощущение поначалу. Если не разобраться в нем чуточку лучше.

Я научилась различать тишину от пустоты и одиночества

в тот день, когда умер папа. Внутри все внезапно смолкло и до сих пор сохранялось молчание.

Приехав в этот дом после похорон, я наконец осознала, что дыра в груди настолько огромная, что мне ее восстановить было не под силу. Так что перестала даже пытаться.

Журавлев Евгений Валерьянович был не просто моим папой, он был моим другом, хоть я часто не показывала того, как сильно он мне дорог и любим. И будь я проклята, если не сожалела обо всех тех днях, когда не разговаривала с ним. Сейчас я бы наверстала те дни. Крепче обнимала. Чаше говорила, что люблю. Улыбалась бы ему каждый раз, когда он меня об этом просил. Я бы... я бы... я так по нему скучала, что не могла передать словами степень моей тоски.

А вчера... когда я повела себя с Майей по-настоящему жестоко, я поняла... Пустота в груди медленно ушла, когда она приехала в этот дом сразу после меня и нашла меня рыдающей в отцовском кабинете, который хранил его аромат и брошенные в спешке бумаги и личные вещи.

Меня угнетала слабость, которую могли видеть другие люди, потому что я всегда и всем показывала лишь стойкость и несгибаемость.

Я не жаловалась отцу, когда ко мне на пробах приставали мерзкие «продвигатели» – как я их называла, на подиум. Гнобили как новенькую в агентствах, куда я могла с трудом пробиться на тот момент. Я приходила к нему с победами и праздновала только их. Сейчас же, проиграв главную битву

за свою красоту и личность, я бы пришла и попросила утешить.

Ноги несли меня по первому этажу не куда-то. Я вошла на кухню, сделала крепкий черный чай в любимой папиной кружке и взяла ее с собой. Затем вошла в кабинет и села за его стол.

Когда я сюда переехала, я не стала менять тут что-либо. Во-первых, у папы был отменный вкус, и эта мебель, сделанная по большей части на заказ, мне нравилась. Во-вторых, здесь я могла действительно работать и знать, что он поддержал бы мои идеи.

Папа тоже любил благотворительность. И он делал ее избирательно. Впрочем, как делаю сейчас и я.

Он не давал деньги кому-то в надежде, что каждая копейка пойдет в дело и на благо. Он покупал «благо» и приносил его. Если речь не шла о конкретных деньгах, например, на лечение. Но и там он был щепетилен.

С раннего детства, когда у нас появился этот дом, я бегала за папой как хвостик и повторяла за ним все.

Чашка чая, когда я предпочитаю кофе, сейчас была шалостью и памятью о нем.

Я поставила ее с краю и посмотрела на оставленные Майей бумаги.

В них был отчет о детдоме, куда мы вложились в последний раз.

– Видишь, – улыбаюсь я и говорю в пустоту. – Все идет

хорошо.

Перебрав другие документы, выделяю интересные проекты и оставляю все на столе. К этому моменту чашка уже пуста, и я встаю из-за стола, чтобы отнести ее обратно.

На кухне, ополоснув чашку и поставив ее сушиться, замечаю растения в четырех разных горшках у окна.

Зачем-то посмотрев по сторонам, словно Кай мог быть здесь, я медленно подхожу к ним и рассматриваю.

Раньше я даже на кухню не заходила, так как не было необходимости. Персонал мог принести что угодно из любого уголка дома. И вряд ли Майя ухаживала за растениями, когда я уволила весь персонал. А значит, их посадил Кай.

Тот, что стоял в центре, имел крохотные белые цветочки. Крайний справа был похож на что-то хвойное, но я была уверена, что ошибаюсь. А на стеблях левого листа были большие и ярко-зеленые.

– Это пряные травы, – раздался за спиной мужской голос, и я закричала, оборачиваясь. – Вот черт, простите. Арина, я не хотел вас напугать.

Кай сбросил сумку и стянул с головы шапку, сделав в мою сторону несколько шагов, обойдя остров.

– Ради бога, я правда не хотел.

– Все... все в порядке, – пробормотала я, останавливая его, но не убирая ладони с груди и пытаюсь отдышаться. – Вам нужно было хотя бы постучать по дереву, чтобы я дожидала до обеда, а не упала замертво, даже не позавтракав.

– Вы казались слишком заинтересованной. Не хотел отвлекать, но в итоге напугал.

Он был взъерошенным, и при мысли об этом я вспомнила, что сама выгляжу как...

– О боже, – сместила я руку с груди на шрам, который находился на плече, и отвернулась, чтобы скрыть остальные.

– Разве вы не модель?

– Что? – спросила, слегка повернув голову влево.

– Это просто майка и шорты, – сказал он, явно забавляясь и даже не осознав, что этот жест не был попыткой спрятать грудь.

– Вы правы, я модель. И примерно половина рекламы, за которую мне заплатили, была как раз нижним бельем.

– Стоит изучить этот бизнес, – хохотнул он, и я резко развернулась к нему лицом, но желание наглубить и назвать, например, извращенцем почему-то отпало. Поэтому, покачив головой, я сделала попытку уйти. – Пойдите, Арина, простите.

Он остановил меня, и я замерла, пряча уродливую сторону тела в тени, так как на кухне свет был максимально приглушен.

– Мне нужно одеться, – сказала ровным голосом, не желая задерживаться попусту.

– А мне раздеться, – шутит он, указав на куртку. – Но для начала... вот.

Он шагнул ближе ко мне и потянулся рукой, отчего я от-

шатнулась, когда куртка мужчины коснулась левого плеча.

Затем он встал на прежнее место и протянул... листок, сорванный с растения.

– Что это? Зачем? – недоумевая, взяла мягкий лепесток, который ощущался как бархат.

– Сомните его двумя пальцами и слегка потрите, а после понюхайте.

Кай поднял руку и показал на свой листок, который смял большим и указательным пальцем. Потер подушечками, как бы растирая сильнее, и поднес к лицу. А после сделал вдох.

Не теряя времени, но и сильно не торопясь, я сделала то же самое, и когда втянула в себя аромат, была поражена интенсивностью.

– Очень... освежающе. Что это?

– Базилик. Этот вид имеет перечные нотки.

Он встал ближе на этот раз, когда сорвал тот, что был с цветочками.

– А это тимьян.

Положил в мою ладонь соцветия, забрав обратно листок базилика, и кивнул, чтобы я понюхала.

Аромат был еще более насыщенным. Но сказать, чтобы он что-то мне напоминал, я не могла.

– Интересный запах.

– В блюдах раскрывается прекрасно. А вот розмарин – царь на кухне. Попробуйте.

Несколько продолговатых листков, которые были доста-

точно твердыми, коснулись ладони.

– Их тоже помните, чтобы раскрыть аромат.

Я сделала именно это и поняла, что этот запах мне понравился особенно.

– Я его знаю. Напоминает лимон и что-то свежее.

– Эвкалипт. Да. Я запекаю с ним мясо, овощи, перетираю с другими специями и маслом и получаю заправку. Ценный продукт на кухне.

– Надо же, – усмехаюсь я такой, казалось бы, простоте, таящей в себе тонкие и яркие ароматы, придающие блюдам шикарный вкус.

– Планирую привезти шалфей и орегано, – улыбается он довольно. – О, еще мяту.

– Только никакой...

– Кинзы. Я помню. Ваш список висит перед глазами. Да я и запомнил его уже. Не волнуйтесь.

Он, словно смущаясь, сунул руки в карманы джинсов и посмотрел на свои ноги, а я скрестила руки на груди.

Это был наш первый приличный и адекватный разговор, который я не знала, как закончить. Поэтому за меня всю работу сделал Кай.

– Что ж, мне нужно подготовить продукты. Вытащить мясо и все такое.

– Конечно. У меня тоже... много дел.

Я сделала шаг влево, и его попытка пройти мимо совпала с моей. Затем мы оба сделали шаг вправо, и он рассмеялся.

– Ладно, просто останусь на месте, а вы идите.

– Спасибо, – быстро сказала я и рванула вперед, обойдя его по левой стороне.

Когда я уже дошла до выхода из кухни, то услышала сдавленное «Черт!» и обернулась, столкнувшись с его взглядом, направленным на меня.

– Что?

– Времени, – он закивал, отходя в сторону острова. – Мало... эм... пора работать.

Ничего не ответив, я все же вышла и поспешила наверх, не останавливаясь ни на секунду.

Глава 12

Кай

– И приз за звание идиота этого дня вручается мне, – ворчу, разбираясь с овощами для минестроне, который я запланировал на обед для Арины и Майи, которая приехала сегодня снова.

Вспоминая ситуацию с хозяйкой, ее одежду и аккуратную попку в этих мини-шортах, и мое позорное «черт», хочется сбежать.

Нет, я мужчина, и реакция на красивую женщину, едва прикрытую одеждой, – это нормально. Однако я не просто мужчина, а она не просто женщина. А это кое-что меняет.

И все-таки я почти опозорился. Не хватало, чтобы она подумала, будто я какой-то извращенец.

Снова застонав от собственной глупости, я ловко орудую ножом и нарезаю все на аккуратные кубики.

Спустя время, ушедшее на обжарку, заливаю бульоном овощи и принимаюсь за креветки и пасту к ним.

Все это время в доме стоит тишина. На самом деле она настораживает немного. Эти двое пока не ладят, а тишина – плохой знак. Помню, как бабушка влетела в комнату, где я тихо играл с новой игрушкой. Она была запыхавшаяся, а ее

глаза были полны безумия и страха. Когда она посмотрела на меня, сидящего на полу, села на кровать и схватилась за сердце. Я спросил, все ли с ней в порядке и не случилось ли чего. А она сказала фразу, которую я запомнил по сей день: «Нет ничего пугающего до смерти, чем тихо играющий ребенок». В общем, я тоже нервничал, но все же оставался на месте и соблюдал установленные Ариной правила.

Мой телефон, лежащий в стороне, завибрировал, но у меня не было времени отвлекаться. Поэтому, когда я закончил и оставил минестроне «доходить», а кровати подготовил к обжарке, взял гаджет и открыл сообщение от сестры.

В нем была сумма за обеда на этот месяц. Я поставил реакцию и тут же оплатил, отправив чек. Через секунду она позвонила.

– Привет, малявка, – первое, что я произнес, веселясь на ее фыркание.

– Привет, старший брат.

– Чек отправила?

– Да. Учительница его уже увидела и отметила.

– Хорошо. Как там дела?

«Там» – было многозначным между нами словом. Оно содержало в себе всю грязь существования в месте, которое я хотел к чертям уничтожить, но не мог, пока она жила там.

– Нормально.

– Твоя еда на месте?

– Да. Я слышала, как мама хотела взять йогурт, но отец

сказал, что ты будешь недоволен.

– Буду, – сглотнул я и разозлился, но быстро взял себя в руки. Ей не нужно знать, как сильно я вне себя из-за этих убождков. – В школе все хорошо?

– Девочки из моего класса сказали, что у меня самые красивые тетради, – ответила она визгливо, но стараясь быть тихой.

Я по-доброму усмехнулся и облокотился плечом о стену у окна, счастливый от того, что у нее, по крайней мере, все еще девчачьи мысли, соответствующие ее возрасту. Красивые ручки, тетрадки и всякие бантики.

– Потому что у тебя будет все, что только захочешь. Поняла?

– Я хочу жить с тобой и бабушкой, – сказала она то, что я итак знал.

– Знаю, Сонь. И прости, что пока не могу с этим ничего сделать.

– Я не обижаюсь. Просто была бы рада. О, – тут же перестала грустить, – а мы поедem в планетарий в четверг.

– Всем классом?

– Да.

– Твой пенал, он в порядке?

У нее пенал с потайным карманом, в котором я пополняю ей наличные. Всегда есть какие-то внезапные сборы в школе и поездки, в которые Соня ездит. Я знаю, что это небезопасно, кто угодно может украсть их, но, по крайней мере,

ее родители не смогут догадаться, что у нее есть деньги и она хранит их в таком месте. Потому что они не раз обыскивали ее комнату, за что я потом лишал их содержания и слушал их нытье и неискренние извинения с заверением, что такого больше не повторится.

– Они не знают, что в нем есть деньги. Никто бы не догадался, – подтвердила мои мысли Соня.

– Хорошо. А денег в нем хватает?

– Да. Но я еще не сдала на поездку.

– Почему? – не понял я.

– Подумала, что смогу сохранить их.

– Много нужно? – это единственное, что пришло мне на ум.

– Четыреста рублей.

– Эй, это же немного. Сдай учительнице и спокойно поезжай, ладно? Я потом добавлю при встрече.

– Ты уверен? Я могу и дома посидеть.

– Ты не будешь сидеть дома, пока другие ездят куда пожелают, – на этот раз вышло немного грубо, но я злился не на нее, а на то, что моя сестра думала не о прогулках с подругами и поездках с одноклассниками в долбаный планетарий. Она думала о том, как сэкономить четыреста рублей.

– Хорошо. Сейчас будет урок, и мне нужно убрать телефон.

– Сдай на поездку, ладно? Я напишу учительнице и спрошу.

– Я сдам. Обещаю. Люблю тебя, Кай.

– А я тебя. Напиши, как доберешься домой.

– Хорошо. Пока.

В ухо ворвался школьный звонок и смех сестры, когда я возмутился тем, как это громко, а после она снова сказала, что целует меня, и отключилась.

– Вот же негодница, – улыбнулся я и, повернувшись, застал на кухне Арину. – Кхм... простите. Сейчас подам обед.

– У тебя есть ребенок? – спросила девушка невозмутимо.

– Чт... о, нет. Нет. Это моя сестра, – я улыбнулся и оставил телефон на прежнем месте.

– Не хотела быть слишком любопытной, простите.

– Все в порядке. Я же не скрываю ее.

Она прошла к графину с водой в своих белых штанах и такой же белоснежной футболке и потянулась за стаканом в шкаф-витрину. Затем поставила его и стала наливать себе воду.

На ее лице снова была косметика, а волосы были распущены, и пробор был сделан так, чтобы большая их часть закрывала лицо.

Пока я наблюдал за ней, она уже поднесла стакан к губам и стала из него пить, вызывая жажду у меня самого.

Арина была совершенством. Быть может, у нее был слегка скверный характер, и я знал ее слишком плохо, но она все равно была интересной и влекла своей загадочностью. А еще чувствовалась ее тоска. Уж с этой сучкой я был знаком.

Несмотря на хаос в своей жизни, тоска все еще была спутником и не забывала пожелать «спокойной ночи» и «доброго утра».

– Что это будет? – внезапно спросила она, склонившись над кроватками, лежащими на деревянной доске, сбрызнутыми лимонным соком и оливковым маслом с приправами.

Я стал подходить чуть ближе, поняв, что она не планирует сбежать через секунду, и усмехнулся.

Ее волосы упали вперед и могли коснуться масла с чесноком. Поэтому... сам не знаю зачем, я выкинул руку вперед и схватил пряди белокурых волос.

– Не испачкайтесь, – сказал я, убрав те за плечо, тем самым открыв обзор на ее шею и пострадавшую половину лица.

Как и ожидалось, она отскочила в сторону и выправила волосы обратно, закрывшись не только физически, но и морально.

Я уже хотел ответить ей о кроватках, но она взяла стакан и вышла из кухни.

Накрыв обед, я занялся посудой. Посудомойка была здесь больше стандартной, поэтому все помещалось в легкую, но мне нужно было занять свои руки хоть чем-то, поэтому я стал отмывать ее руками.

Лишь закончив с шумом воды и биения посуды о стенки раковины, я понял, что в столовой стояла тишина и звон приборов о тарелки.

– Упрямица, – усмехнулся я внезапно, и мое настроение улучшилось.

К ужину я решил приготовить сибас на гриле с овощами и картофельным пюре. А еще отыскал бутылку белого вина, которую поставил на остров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.